

Марс.
Эйдолон

Мансур Ладанов

Мансур Ладанов
Марс. Эйдолон

«Автор»

2026

Мансур Ладанов

Марс. Эйдолон / Мансур Ладанов — «Автор», 2026

Марс, пустынный и безжалостный. Здесь каждый шаг может стать последним, а каждое решение — изменить судьбу. Усман отправляется на Красную планету с опасной миссией, но его личная цель — найти брата, считавшегося погибшим. В мире, где нет государств, Земля на грани гибели, а человечество рвется к Марсу, он оказывается втянут в игру, где идеалы переплетаются с жадной властью, а вера становится единственной опорой. Эйдолон. Обещание нового будущего. Но что скрывается за красивыми словами? Свобода или новая форма рабства? Это книга о братстве и преданности, о цене доверия и силе веры. Но где пролегает граница между долгом и предательством? И кто на самом деле стоит за загадочным Эйдолоном? «Марс. Эйдолон» — долгожданное продолжение книги «Марс. Записки из космоса».

© Мансур Ладанов, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Марс.	5
Вот и они.	10
«Жить, жить, жить...»	14
План Б.	19
Следом за особями.	24
Марионетки.	28
Вера и протокол.	32
Второй выход.	37
База.	41
Testing...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марс. Эйдолон

Марс.

Марс, как огромный, усталый зверь, древний и молчаливый, виднелся впереди. Оптика иллюминатора автоматически приглушала солнечные блики, и потому поверхность казалась особенно четкой и резкой, как древний барельеф. Красновато-бурый шар, иссеченный трещинами, каньонами, кратерами — словно кто-то долго и упорно пытался расколоть его изнутри, но смог лишь поранить, оставив следы. Пыльная, тусклая, шершавая кора планеты, вся в слоях, перемежающихся ржавчиной и тенью, выглядела, как слепок, застывший от времени. Некогда, возможно, здесь текла вода и был воздух, но теперь — ничего. Только сухие равнины, потрескавшиеся от холода, гигантские кратеры, в которых можно было бы спрятать целые города, и следы ветров, которые уже миллионы лет гонят песок, не встречая ни преград, ни смысла.

И все это — вращалось. Медленно, уверенно. Как будто Марс никуда не спешил, потому что знал: все, что должно произойти, — произойдет.

В стороне, медленно скользя по дуге, над серым горизонтом планеты проплывал Фобос — неровная, темная глыба, брошенная с Марса и зависшая над ним. Второй, Деймос, шел дальше, почти сливаясь с фоном, похожий скорее на тень, чем на спутник. Они не кружились, они преследовали, будто боялись оторваться от своей планеты.

И в этом была какая-то безысходность.

Усман не отрывал взгляда от иллюминатора.

Он сидел, пристегнувшись к креслу, в служебном коридоре корабля вдали от основного салона. Матовый серый металл стен, приглушенные лампы под потолком, мягкая, едва заметная вибрация корпуса — все это создавало ощущение погружения не просто в космос, а внутрь себя.

Корабль гудел мягко, почти неуловимо. Будто дышал. Он стартовал с Луны и шел к Марсу.

«Брат... Где ты? Жив ли? Погиб? Попал в плен?» — вопросы всплывали в сознании Усмана один за другим. Он снова и снова прокручивал в голове услышанное в кабинете Владимира Анатольевича.

Инженер, пропавший на Марсе. Автор дневника.

Его брат.

Сначала это казалось ошибкой. Потом — насмешкой. А потом...

Потом будто сорвался замок, который годами удерживал в памяти дверь в прошлое. И Усман вспомнил... Память вернула не все, но многое. Неожиданной, мощной волной.

Он вспомнил Землю и родное село. Затем темный коридор детдома, куда он попал после катастрофы. Звон ключей на поясе у воспитателя. Запах дешевого стирального порошка на простынях. Себя — мальчишкой, одиноким, злым, загнанным. Вспомнил, как дрался с теми, кто сильнее. Как не плакал, даже когда было больно. Как однажды — в самом начале — звал: «Мама! Отец!» И как никто не пришел...

Он тогда решил, что семьи у него нет. Никогда не было. Он вырезал ее из своей памяти — намеренно, как ножом. А теперь — все вернулось. Все, что было до детдома.

«Брат...»

Всего одно слово, такое маленькое, но невыносимо тяжелое.

Детдом, драки. Из-за них — почти тюрьма. Потом армия, потом Корпорация. Усман свыкся: семья — это те, с кем ты выполняешь приказ. А теперь... Теперь там, на мертвой планете, человек, которого он любил в детстве, но не знал, что тот жив сейчас.

«Брат», — повторил он мысленно, почти шепотом, и снова посмотрел в круглое окно.

В отражении — его лицо. Суровое, молчаливое. Стальной взгляд. Но что-то в нем дрожало.

Позади все еще маячила Земля. Маленькая, хрупкая, голубая точка, затерянная среди звезд. Когда-то она казалась надежной, великой, а сейчас просто одна из многих планет. Как душа, потерянная в бескрайней пустоте.

Усман вспомнил, как читал в дневнике Рамазана, что тот тоже смотрел на Землю отсюда. Тоже сравнивал ее со звездами. Тоже думал о вечности.

«Ты остался один. И я иду один. Но найду тебя. Ты главное держись», — Усман закрыл глаза.

— Входим в атмосферу. Точка захвата — через двадцать секунд, — раздался голос навигационного центра.

По кораблю пошла легкая, глухая, как сдавленный кашель гиганта, вибрация.

Усман снова повернулся к иллюминатору — и замер.

Марс больше не был шаром, висящим в черноте. Теперь он заполнял собой все окно, весь мир за стеклом. Это был не объект — пространство. Не точка назначения — среда, в которую они погружались. Осталась лишь тонкая полоска горизонта, за которой чернотой рисовалась пустота космоса. Все остальное — Марс. Пыльный и тяжелый.

Корабль начал скользить вниз. Как подводная лодка. Плавно, но неумолимо.

На мониторах вспыхнула строка: «База «Хайтек». Координаты приняты. Идет посадка». По коридору пробежали тени. Солдаты и специалисты собирались в модуле ожидания. Усман снова остался один. Со своими мыслями. С планетой. С прошлым.

Поначалу движение в иллюминаторе было едва заметным: Марс по-прежнему казался неподвижным колоссом. Но потом иллюзия рассыпалась. Контур поверхности начали расплываться, дробиться, приближаться — словно невидимая рука медленно, но неумолимо тянула корабль вниз.

Хребты и кратеры, которые еще минуту назад были всего лишь рельефной текстурой, теперь двигались навстречу, как будто планета выпрямлялась и шла вперед. Тени от скал становились глубже. Пыль — гуще. Плоскость — объемнее.

Иллюминатор уже не показывал пейзаж, он показывал приближающийся мир, готовый проглотить.

— Пятнадцать секунд до автоматической посадки, — произнес голос навигационного центра. Спокойный, человеческий, но механический, чужой.

Корабль слегка качнуло, почти нежно, и Усман почувствовал толчок, ощутил микродавление в ногах, напряжение в позвоночнике, стянутость мышц спины — каждая клетка тела готовилась к изменениям.

— Пять секунд. Стабилизация в норме.

Раздался едва слышный шелчок, и сразу за ним — тишина. Густая, плотная.

Космический корабль едва заметно качнулся и замер. Посадка была такой тихой, что казалась почти воображаемой. Свет в коридоре вспыхнул мягким зеленым оттенком: «Посадка завершена».

В динамиках раздался голос командира:

— Группа, готовность — одна минута.

«Готовность... — Усман ухмыльнулся. — Для одних — минута до выхода. Для других — минута до начала. Начала длительного ожидания».

Он не спешил. Его этап операции начнется позже. Взгляд Усмана был устремлен в пол.

Члены экипажа прошли мимо него. Командир остановился рядом. Массивный, грузный, с тяжелым, командным голосом.

— Ты в порядке?

Усман поднял голову. Глаза неподвижны, лицо, как камень. Он коротко кивнул, а потом тихо, но четко произнес:

— Я не для того летел столько времени, чтобы быть сейчас не в порядке.

Командир слегка улыбнулся и, кивнув в ответ, пошел дальше, а следом за ним — снова фигуры в скафандрах.

Усман повернулся к иллюминатору, и теперь увидел Марс по-настоящему.

Красный цвет планеты исчез. Перед ним простиралась земля, но не такая, как он себе представлял. Никакой романтической пустыни. Никакого золотисто-красного марсианского заката. Только пыль, камень, песок, ржаво-серые цвета, местами — темно-коричневые, кое-где — почти черные. Рельеф напоминал гигантскую выжженную равнину, изъеденную кислотой, по краям которой валялись валуны, похожие на рухнувшие башни. А сверху — мутный слой атмосферы, как запотевшее стекло, сквозь которое планета равнодушно смотрела на своих гостей.

Возможно, сейчас она выглядела именно так, но в другой час, при иной погоде поверхность могла бы выглядеть по-другому: вспыхнуть красными оттенками, оживая, как рана под солнцем. Ведь не просто же так Марс назвали планетой «красной»!

Поодаль, в стороне от скалистых образований, стояла база.

С этого расстояния она казалась силуэтом чего-то живого, чужого, настороженного. Восемь опор, толстых и изогнутых, как ноги паука, расходились в стороны, охватывая центральную зону. Над ними — массивные капсулы, словно броня или мускулы, прижатые к земле. А еще выше тянулась вверх башня, напоминающая перевернутую гильзу, с тремя трубами, щетиной антенн и тяжелым колпаком наверху.

Она не светила. Не передавала сигналов.

Просто стояла.

Как сторож. Или как хищник.

Усман медленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он вспомнил запись. Ту самую, что ему показали после того, как он покинул кабинет Владимира Анатольевича и спустился ниже, на сорок второй этаж. Ее обрывки плыли у Усмана перед глазами. На экране шел допрос: одно за другим возникали лица людей, и Усман, помня дневник Рамазана, догадывался, кто есть кто.

— Когда вы впервые заметили изменения в сигналах датчика? — спрашивали у Дмитрия, начальника базы.

Он сидел с прямой спиной, но глаза бегали.

— Уже после прилета Рамазана... Когда Владимир с Валерой...

— Почему сразу не сообщили в Центр?

— Мы... Мы не знали, что это... Мы хотели перепроверить... Убедиться...

На следующем «кадре» был Макс. Он сидел спокойно, руки сцеплены.

— Вы занимались анализом вспышек?

— Да. Мы фиксировали повторяемость.

— И вы видели всплеск температуры до случившегося в буровой?

— Да... Мы... Это было после провала бура...

— Почему сразу не сообщили руководству?

— Потому что нас бы никто не слушал. Дублирующий датчик показывал правильно. Мы думали, это просто сбой. Это было-то... Всего один раз... Мы не предполагали, что это...

Гриша сидел рядом с ним — молчаливый, напряженный. Он посмотрел сначала на Макса, потом перевел взгляд в камеру и кивнул.

Таня выглядела испуганно.

— Были ли контакты с внешними группами? С китайцами, американцами?

— Нет! Никого не было! Ни разу за все время! Кроме... Кроме Чонглина. Но он уже был позднее...

Марина, врач, держалась сдержанно, но по глазам было видно, что она устала. Видимо, допросы шли не первый час.

— Вы проводили экспертизу ранений?

— Да.

— Результаты?

— Ожоги. Разрушения тканей. Радиоактивный след отсутствовал, если вы об этом.

— Что-то еще?

— Нет.

Андрей, ученый, был самым дерганым. Говорил быстро, махал руками, иногда смеялся невпопад.

— Вы занимались марсианской педогенезией¹, работали над почвенным тераформингом. Видели что-то аномальное?

— Нет. Все обычно... Для Марса.

— Вами фиксировались ультрафиолетовые вспышки?

— Вы думаете, я бы молчал, хахаха, если бы увидел, хахаха?!

— Так фиксировались?

— Не-е-ет!!!

— Успокойтесь. И вспомните. Были ли на ваших приборах зафиксированы резкие подъемы температур?

— Нет, — он замолчал. А потом добавил: — Они ко мне не заходили.

— Как думаете, почему?

— Откуда мне знать?! Я что, один из них?! Хахаха! Вы думаете, что я из них! Хахаха!

Глеб, повар, бывший солдат. Он отвечал не сразу, раздумывал над вопросами и просчитывал варианты ответов.

— Ваше мнение, как бывшего военного: это была атака?

— Не думаю. Больше походило на разведку боем.

— Разведку? Что же они хотели разведать, по вашему мнению?

— Базу. Группу. Проверить наше оборудование. На что мы способны. И на что способны они, — он посмотрел в камеру, как будто видел сквозь нее. — И они показали.

Аргентино нервничал, кричал.

— Почему вы хотели улететь?

— Потому что никто нас не слушал! Потому что вы там, на Луне, в офисах, в креслах! А мы? Мы в реальной... Я боялся, — он опустил голову и тихо добавил: — Все мы боялись. Кроме... Рамазана.

— По-вашему он не боялся?

— Не знаю! Я вообще его не понимал! Он как киборг! Нет, он молодец, он реально нас всех там удержал от глупостей, рисковал жизнью, чтобы выяснить, кто эти твари, пытался помочь и... Помог. Если уж быть честным до конца... Если бы не он... Не знаю, что было бы с нами сейчас...

Валера, как всегда, был спокоен.

— Вы доверяете этим людям?

Он оглянулся и, никого не увидев рядом, переспросил:

— Этим?

— Я имею ввиду вашу группу.

¹ Педогенез в почвоведении — процесс образования почвы.

— Да, — твердо ответил Валера. — Всегда доверял. А после того, что мы пережили... Если бы они были предателями, мы бы не вернулись.

Последним допрашивали Ли Чонглина, китайского ученого. Он был спокоен, почти холоден, без каких-либо эмоций на лице. Ему предложили вести беседу на китайском, но он вежливо отказался, предпочтя русский.

— Значит, вы утверждаете, что единственный, кто выжил на вашей базе?

— Да. Я предоставил записи.

— Мы их изучили. И все-таки: как вам удалось так быстро сориентироваться и избежать их атак?

Чонглин посмотрел в упор:

— Вы меня подозреваете? Да, мои руки в крови. Но только потому, что я не смог спасти других. Я видел, как они умирали. Но не убивал их.

Усман открыл глаза. Внутри — та же тишина. Снаружи — чужая планета. Она уже стала почти домом для его брата, а значит станет им и для него.

Он увидел, как экипаж космического корабля вышел на поверхность планеты. Серо-красная, мелкая пыль кружила в воздухе: планета не понимала, что снова кого-то принимает.

Один за другим члены экспедиции поднимались в марсоход — тот самый, что был оставлен улетевшей на Луну группой. Огромная, серая, футуристическая машина. Не машина, а автопоезд. Десять колес — каждое выше человеческого роста. Передняя часть немного приподнята, позади — длинный кузов, герметичный, с усиленным каркасом. Среди ветра и марсианской пыли, под этим небом, он казался не транспортом, а убежищем на колесах.

Команда вошла внутрь, и автопоезд тронулся. Медленно, оставляя за собой облако пыли, проехал он мимо иллюминатора в сторону базы.

В корабле стало тихо. Но тишина была другой. Не технологичной — человеческой.

Абсолютной.

Усман встал с кресла.

Не торопясь, прошел по коридору, освещенному мягким светом. Свернул направо, открыл створку — отсек со скафандрами. Белые, серые, тяжелые, легкие — разные. Они висели, как тела на крюках, ожидая тех, кто вселится в них.

Он выбрал свой. Проверил соединения. Давление. Клапаны. Кислород. Открыл дисплей на руке — стабильность, чистота, допускаемые колебания.

Все в порядке.

Капитан достал оружие. Проверил патронник. Магазин. Потом — визор. Тонкий, полупрозрачный, с интегрированным спектральным фильтром. На нем уже были метки — координаты, дистанции, отслеживание.

Усман поднес его к глазам и на секунду задержался. Посмотрел на скафандры. Переключил фильтр. перевел взгляд на двери, на потолок, пол. Все работало.

Тогда он медленно вышел из отсека и подошел к иллюминатору, через который мог видеть базу. Надел визор и стал наблюдать.

Время еще не пришло, но уже скоро. Усман это чувствовал. Как охотник опасную добычу. Как волк момент для прыжка.

— Ну давайте... — проговорил Усман, понимая, что они вот-вот появятся. И был прав.

Вот и они.

Усман стоял у иллюминатора космического корабля, прислонившись плечом к металлической раме, и наблюдал за базой. Он нажал боковую кнопку, и в визоре послышалось мягкое гудение. На дисплее загорелись узнаваемые интерфейсы: режимы фильтрации, температурные колебания, спектральные шкалы. Усман выбрал ультрафиолетовый режим, активировал зум, и вернулся к наблюдению.

Марсоход с командой, недавно покинувшей корабль, уже приближался к базе, тяжело и глухо перекачиваясь по марсианским дюнам. Его массивный кузов, приглушенно мерцающий под слоем бурой пыли, напоминал ползущего механического жука.

Камера визора захватила новое движение: ворота базы начали открываться. Огромная створка поднялась вверх, и марсоход въехал внутрь.

Ворота снова опустились.

И вдруг — вспышка.

В верхнем левом углу поля зрения — движение. Из-за холмов, словно из-за складки, выплыли две фигуры. Плавные. Светящиеся в ультрафиолете, как души, забывшие, что им не место среди живых.

Визор поймал их очертания и начал автотрекинг. Усман не двигался. Только чуть прищурился: «Пришли. Еще бы... Куда б вы делись? Уверены, что это вы здесь охотники».

Он знал их маршрут, читал о нем в дневнике брата и не раз представлял у себя в голове: по окружности, по касательной, медленно, будто чертили вокруг базы невидимую линию. Как охранники. Как тени. Знали, что внутрь базы им не прорваться, и ждали. Наблюдали.

Минут через десять, когда особи скрылись за дальней секцией корпуса базы, Усман медленно выключил визор и повесил его на крепление сбоку. Сделал шаг назад. Задумался: «Теперь — только ждать. Часов четырнадцать. Пока не соберутся уходить».

И тогда наступит его черед.

Время было. Можно было перейти к наблюдению через экран камеры и перекусить.

На этот раз корабль подготовили: в отличие от прошлых миссий, этот был оборудован системой пассивного наблюдения. По периметру корпуса установили пять ультрафиолетовых камер, каждая — с высоким разрешением, спектральным фильтром и автотрекингом движения.

Корпорация не хотела больше сюрпризов.

Понимая, что наблюдение можно продолжить и без него, Усман неспешно направился по коридору в сторону кладовой питания, официально обозначенной в бортовой системе как БП-4: Блок Питания, сектор 4. Никакого романтизма, только армейская функциональность.

Открыв гермодверь, Усман сразу потянулся к изотермическому контейнеру. Выбрал три крупных сэндвича с мясной пастой и термостойкими сухарями, сверху добавил горчичный пакетик. Сбоку — серебристая упаковка с апельсиновым соком в мягком картридже.

Рацион был рассчитан на выживание, а не удовольствие.

Усман положил все на поднос и уже собирался повернуться, как взгляд задержался на маркировке: «HALAL/УТВЕРЖДЕНО ДЛЯ УСЛОВИЙ ПОЛНОГО ДОПУСКА», — стандарт, который Корпорация внедрила для таких, как он.

Он не был соблюдающим. Не молился, не постился, не читал Коран. Но в некоторых аспектах был щепетилен: мясо — только халяль, никакой свинины, никакой крови, не пил алкоголь, не курил, не употреблял наркотики, не играл в азартные игры. Возможно, даже не из принципа. Просто так отложилось в памяти. Еще в детстве.

«Странная штука, — усмехнулся Усман. — Пока не случилась вся эта история с Рамазаном, совсем не помнил родителей, брата, сестру... Место, где родился и рос ... Но это...

Осталось. Видимо, отец старался воспитать меня с правильными убеждениями... Жаль, что он не дожил до этого дня, — он замер. Стоя в тишине кладовой с подносом в руках, слушая как из-за вентиляции несло легкое гудение воздуха, Усман на секунду остановил поток мыслей, а потом добавил: — Пусть Аллах простит тебя».

Он даже не понял, кого именно имел в виду: отца, себя или обоих? Может, брата?

Выйдя, из блока питания, Усман направился в операторский отсек, откуда и собирался следить за происходящим у базы. Тишина, приглушенный свет, несколько кресел, вмонтированных в пол, и изогнутая панель мониторов на всю стену — это и есть НОМ, наблюдательно-операторский модуль. Или, как его называли члены экипажа, «Перископ».

Усман поставил пакет с едой на боковой столик, уселся в кресло, откинулся и, глядя в потолочную решетку динамика, громко сказал:

— НОМ, выведи камеры внешнего ультрафиолетового наблюдения. Полный обзор. Пять каналов.

— Сейчас сделаю, капитан Усман, — послышался в ответ мужской голос, низкий и нейтральный: без теплоты и без холода.

— Это ненадолго, — хмыкнул Усман, не отрывая взгляда от экранов. — Выполню задание и получу майора.

— Принято, — ответил НОМ. — Повышение по завершению миссии. Или по завершению капитана.

Усман усмехнулся:

— Неплохо для машины.

— Спасибо.

Стенка перед Усманом вспыхнула. Засветились разом пять экранов. Пять разных ракурсов. Первый: дальняя сторона корабля, где холмы почти скрывают линию горизонта. Второй: ближний склон — с него особи появлялись чаще всего. Третий: южная гряда — пустынная, мертвая, но требующая внимания. И два экрана по центру — оба смотрели прямо на базу, но под разными углами.

На одном из них база была почти в профиль, силуэт паукообразных опор выглядел в ультрафиолете странно и неестественно. На втором — ракурс немного сверху, с небольшой камеры на телескопической мачте корабля.

Особей видно не было, но Усман знал: они там.

Он молча откусил кусок бутерброда и, запив его соком, стал ждать.

Картинка не менялась. База, как и положено мертвой машине, окруженной мертвой землей, стояла на месте. Но спустя несколько минут — движение. Особи «выплыли» из-за базы, двигаясь по своему привычному маршруту.

— НОМ, приблизь центральную.

— Увеличиваю.

Экран дрогнул, изображение увеличилось, детали слегка размазались в легкую рябь — и вот они. Две фигуры, точно такие, как их описывал Рамазан. Светящиеся, размытые, беловатые овалы, слегка вытянутые, без формы, без границ. Они перемещались настолько плавно, будто скользили по поверхности. Никаких резких всплесков, никакой агрессии. Просто наблюдали.

— Эх... Чтоб вас... — выдохнул Усман.

— Уточните, капитан: вас — это кого именно? — осведомился НОМ с тем же нейтральным, но отчетливо уловимым насмешливым тоном.

— Очень смешно, — проворчал Усман, не скрывая раздражения, проглотил последний кусок бутерброда и махнул рукой в пустоту, как будто отгонял собственную нервозность. — Может, еще анекдот расскажешь?

— Я способен на юмор. Но только если собеседник в силах его понять, — НОМ сделал секундную паузу. — Не в этот раз. Пока.

Усман фыркнул и хотел огрызнуться, но, вспомнив, что НОМ всего лишь машина, не стал. На экранах не происходило ничего нового. Все шло по той же схеме, что описывал Рамазан: патрулирование вокруг базы, круг за кругом.

«И так полтора десятка часов...» — Усман развалился в кресле, вытянул ноги, взглянул на потолок.

— Как думаешь, НОМ... — протянул он, лениво. — Почему они не пытаются ворваться на базу? Неужели у этих тварей нет ничего, кроме ультрафиолета и ультразвука? Может, они просто еще не поняли, враги им люди или нет?

— Вероятность того, что вы озвучили, ниже одного процента. Они сразу определили для себя, что люди — враги. Иначе бы не пытались уничтожить операторов буровой и не убили бы ученых на базе «Дунфен». Поэтому я бы не рекомендовал надеяться на мирный контакт.

— Спасибо, утешил.

— Всегда рад.

Усман закрыл глаза, надеясь вздремнуть, но тут...

Сигнал!

Короткий. Резкий.

— Тревога! — коротко выкрикнул НОМ.

— Что?! — Усман не поверил. — Ты серьезно? Какая еще тревога?

Один из экранов — крайний, первый — замигал красным.

— Первая камера, капитан, — сказал голос. — Советую посмотреть.

Усман перевел взгляд на экран и замер. Прямо перед кораблем, не двигаясь, стояла третья особь и «смотрела» прямо в объектив камеры.

— Что за... Откуда ты... — прошептал Усман, чувствуя, что внутри все сжимается от неожиданного появления третьего врага.

Фигура не двигалась. Светящийся овал, размытый, словно испорченный пиксель реальности, и при этом пугающе живой.

«Кто-то слил? — мысль пронеслась мгновенно. — Если это роботы... Машины... И за ними стоят люди... В Корпорации предатель? — Усман быстро перебрал возможные причины: — Утечка информации с Луны? А может, непредусмотренный сигнал с борта корабля? Или... У этих тварей есть биоскан, которым они могут сканировать помещения? — он сжал зубы. — Или просто... чувствуют?»

Главное — не паниковать. Усман знал это и, замерев, решил: «Ждешь? Ничего. Я тоже умею ждать».

Огни внутри корабля были погашены сразу, как только вышел экипаж, все внешние панели перешли в режим сна, никаких сигналов, никаких движений. Корабль — пуст. Поэтому если твари не могут «видеть» сквозь стены, то не узнают, что Усман тут.

«Если это третья, — продолжил размышлять Усман, — значит, возможно, есть и четвертая. Или пятая...»

Он быстро пробежал взглядом по экранам. На них холмы, склоны, каменные гряды... Никого. Пока.

Он подался вперед, голос был твердым:

— НОМ, сканируй территорию. Радиус — до базы. Ищем нестабильные сигналы, движения в УФ, тепловые выбросы — все, что может указывать на присутствие особей. Да! И сделай так, чтобы эти твари об этом не узнали.

— Выполняю, — ответил НОМ все тем же ровным баритоном, но уже без иронии. — Режим: тень. Сканирование без обратного излучения.

Усман встал с кресла и стал вспоминать план, утвержденный в Корпорации. Изначально все было просто. Экипаж выходит из корабля и направляется к базе. Особи не могут не знать

о прилете, а значит снова придут и, увидев людей, возьмут базу под наблюдение, обходя ее по периметру.

Но Усман остается на корабле.

Когда у особой будет заканчиваться «заряд», он должен выйти и пробраться к скалам. Спрятаться. Наблюдать. Его задача — понять, куда уходят эти твари. Где их логово. Где источник. И стоят ли за всем этим люди.

Но теперь, когда возле корабля дежурит третья особь, все меняется. Ни о каком скрытном выходе речи быть не может. Она его не пропустит.

«Вот тебе и простая задача, — подумал Усман, вспоминая слова наставлявшего его полковника. — Ну ничего. Это мы тоже допускали».

Вариант, что особи поделятся, действительно обсуждался в штабе. Что одна пойдет к базе, другая — к кораблю. Но при этом расчет был на то, что особой будет две. Некоторые, конечно, допускали, что их больше, но полностью в это никто не верил. Все говорило о том, что это не разумные существа, а значит их не может быть много. И раз за все это время они всегда приходили по двое, то по каким-то причинам пока больше их быть не может. И вот теперь — три.

Как минимум.

Усман прислонился плечом к стене и посмотрел на экран.

— Что ж... — медленно, почти шепотом сказал он. — Перейдем к плану Б.

«Жить, жить, жить...»

После прибытия группы, база вновь «зажила». Не бурлящей — скорее, жужжащей, ритмичной, полной света, пульсаций, «дыхания» машин, жизнью. Изнутри она напоминала не столько научный центр, сколько сердце технического организма, упрямо продолжающего работать.

Основной операционный отсек — центральный модуль — был погружен в фильтрованный свет: бело-серый, ровный, слегка с голубым отливом, такой, чтобы глаза не уставали. Встроенные в плавные панели потолка климатические системы, время от времени тихо щелкали, настраивая влажность и циркуляцию. Пол — из панелей серого цвета, слегка шершавый, с подогревом. По нему то и дело прокатывались тонкие вибрации — отклики стабилизаторов, включаемых системой жизнеобеспечения базы, последние пару недель находившейся в спящем режиме.

Вдоль одной стены стояли ряды компьютеров, рабочих станций: полусферические терминалы с встроенными клавиатурами, тактильными панелями и голографическими расширениями. На экранах время от времени вспыхивали схемы, графики, телеметрия, сейсмоданные и колебания частот. Кто-то сидел, кто-то стоял, кто-то негромко, почти шепотом, разговаривал.

Слева — панорамные окна вместо стены. Толстые, бронированные, с многослойным светофильтром. За ними — Марс. Пыльная равнина, каменные глыбы, тени от опор базы. Статичный тревожный пейзаж, напоминающий диораму, замершую перед бурей.

На дальней стене, напротив рядов компьютеров, висела огромная электронная карта Марса. Полупрозрачный светящийся прямоугольник, словно плавающий в воздухе. В центре карты — база «Хайтек», обозначенная черным знаком. Желтая точка на востоке — «Дунфэн», китайская станция. Синяя — база NASA, она дальше к северу. Две серые — пометки о неудачных посадках европейцев, больше похожие на мемориальные следы, чем на координаты. При каждом касании карта оживала. Открывались вкладки, выдвигались текстовые пояснения, воспроизводились данные: погода, направление и сила ветра, температурные аномалии, уровень солнечной радиации, лог журналов предыдущих миссий и многие другие. Иногда появлялись пометки о старых маршрутах исследовательских групп, временные логотипы экспедиций, флаги и даже короткие аудиозаметки — фрагменты давно улетевших в прошлое голосов.

Здесь, в сердце базы, собрались те, кто должен был взять на себя важную часть миссии: отвлечь внимание особей. Каждый из них понимал: если они ошибутся — если хотя бы одно из этих существ заподозрит подвох — операция будет сорвана. И тогда — не выживет никто.

Словно ответ на эту мысль, зашумели импульсы систем. Неровные, с тонкими вибрациями. Будто биение сердца: «Жить, жить, жить», — повторяли они сквозь холодную тишину машин.

— И все же... — тихо сказала Вера, взглядываясь в экран. — Кто вы такие...

Она сидела, закинув ногу на ногу, ее спина чуть ссутулилась, глаза внимательные, цепкие. Свет от экрана отражался в волосах — коротких, с выбеленными кончиками, собранных в ассиметричную прическу. Вера не любила пафос, но никогда не отказывалась от стиля. И от сарказма.

На дисплее, в УФ-режиме, мерцали две фигуры — особи привычно повторяли маршрут вдоль внешнего контура базы. Наблюдая за ними, Вера тихонько напевала:

«Мы — чердачные, печные,
Страхи темные, ночные,
Мы летаем, кружимся,

Нагоняем ужасы, ужасы...»²

— Да... — пробормотал Тима, машинально поправляя ремешок часов на запястье. — И, вроде, видели их, когда смотрели записи на Луне, но вот так... Тут... Живьем...

Он сидел чуть в стороне, прислонившись к краю консоли, сторбив плечи. Руки крупные, мозолистые, как обычно и бывает у механиков. Его открытое лицо застыло с выражением непонимания.

— Живьем — это громко сказано, — тихо отозвался Виктор и, сняв очки, протер их микрофибровой салфеткой.

Аналитик. Он не смотрел на людей — для него главным было то, что на экранах. Всегда. Как будто каждый раз, находясь перед ними, боялся упустить что-то важное. Лицо напряженное, под глазами — темные круги. Очки с тонкой оправой сидели низко, волосы собраны в пучок, небрежный, но аккуратный. Он быстро щелкал по клавишам и весь его вид говорил, что он не доверяет никому, кроме машин.

Вера повторила:

«Мы летаем, кружимся,

Нагоняем ужасы, ужасы...»

— Точно ахи-страхи! — сдержанно улыбнулся Тимофей, разглядывая тварей на экране.

— Да, живыми их точно не назовешь! — поддержала вдруг Вера Виктора.

— Но и мертвыми тоже, — техник-аналитик кивнул на экраны. — Ходят. Контролируют...

— Убивают... — с легкой дрожью в голосе добавил Тима и снова потерел ремешок часов.

Он покосился на остальных, надеясь, что кто-то скажет обратное. Что кто-то посмеется и обнадежит: «Да брось, Тима, мы в безопасности».

Но никто не посмеялся. Не обнадежил.

— Да, мертвые не убивают, — спокойно произнес Антон, командир группы.

Он стоял, прислонившись спиной к окну, и, сложив руки на груди, крутил старую армейскую зажигалку. Высокий, крепкий, с широкими плечами и сединой в висках, которая не старила, а, скорее, украшала. Командир был немногословен, больше слушал, но когда говорил — остальные замирали.

— Может, они не хотели, — предположила Евгения. — Мы до сих пор ничего о них не знаем.

Женя, биолог, специалист по почвам, говорила мягко, но уверенно. Худошавая, с тонкой шеей, в свободной куртке поверх защитного комбинезона, волосы собраны в «хвост», лицо — открытое, с живыми глазами. В них горела постоянная жажда изучений, поиска, открытий, а в руках всегда был электронный блокнот, в который она «собирала» необычные мысли, понравившиеся фразы, заметки о поведении людей, а также сны. Она верила в существование скрытой логики во всем происходящем и, анализируя свои записи, пыталась ее понять.

— Да ладно! Реально? Не хотели? — хрипло спросил Леха, подаваясь вперед. — Не хотели четыре раза?

Он сидел на краю стола, правая рука в перчатке, скрывающей уродливый рубец от ножа, зашитый когда-то наспех, левая — без. Короткая стрижка, нос, сросшийся после перелома, подбородок с щетиной. Леха напоминал бойца, которому неуютно в мирной обстановке. И голос у него был такой же — хриплый, напряженный, резкий. Как у человека, которому проще воевать, чем разговаривать.

— Почему четыре? — Вера обернулась.

² Песенка из советского мультфильма «Ничуть не страшно».

— Сначала в буровой пытались двоих наших, — стал загибать пальцы Леха. — Потом первую прилетевшую группу. Потом вторую. И плюс «Дунфен».

— Да, но... Может быть, мы просто их не понимаем. Как диких животных, на которых натываемся в лесу. Рамазан мог найти с ними контакт. Он ведь остался, — Евгения посмотрела в окно на марсианские скалы. — Может, он понял, как с ними общаться.

— Ты правда в это веришь? — Виктор посмотрел на нее с недоверием.

— Почему нет? Мы все читали его дневник, — напомнила Евгения, что-то записывая в блокнот. — Вряд ли особи звали его, чтобы убить.

— А я думаю, он просто сошел с ума, — буркнул Тима, рассматривая ногти на руке. — Свихнулся! Он же нелюдим был. Вот и поехала кукуха! Решил, что эти твари лучше людей! Ха! — выбрав самый длинный, он откусил его и плюнул в сторону. — Теперь лежит где-то там, в скалах, смотрит в небо!

— Фу! Савельев! Это противно! — Женя скривилась.

— Или не лежит, — впервые за все время спокойно сказал Наиль.

Медик сидел у дальнего терминала. Его лицо было сухим, почти аскетичным, черты четкие, кожа темная, сдержанная мимика. Густая щетина покрывала нижнюю часть лица — не прям борода, но и не просто небритость; плотная, ровная, будто отмеренная по линейке, густая. Она придавала ему собранный, суровый вид. Его глаза — темные и внимательные — редко поднимались от планшета, но те, кто были с ним знакомы, знали: говорить он привык только по делу.

— Если бы я ставил диагноз его душевному состоянию, я бы так не торопился с выводами, — добавил он. — Такие, как Рамазан, не ломаются просто так.

Наступила пауза. Каждый переваривал сказанное. Тусклый утренний свет Марса пробивался внутрь, а на экранах две фигуры все также двигались по кругу.

— Если он жив... — заговорила Вера, но теперь голос ее был тише. — То он, скорее всего, уже давно не один из нас.

— А чей тогда? — пробормотал с легкой усмешкой Тима. — Их?

— Не обязательно, — отозвалась Евгения. — Между «нашими» и «их» есть масса вероятностей. Он мог просто... понять что-то, чего мы не понимаем. И остаться. Там. С ними.

— Хм! С ними! Значит он «их», — бросил Леха. — Иначе бы вернулся.

— Может, не смог, — добавил Виктор. — Бывает и так.

Несколько секунд в отсеке звучало только тихое жужжание оборудования. Потом слово снова взяла Вера:

— В любом случае, он теперь не один.

— Нет, — спокойно сказал Антон, пряча зажигалку в кулаке. — Не один. Тут — мы. Там, на той стороне — Усман.

— Да, — выдохнул Тима. — Зато этот — точно один.

— Ему не впервой, — тихо заметил Наиль.

— Вы вообще знаете его? Кто он такой? — с легкой усмешкой бросила Женя, разминая шею. — Он вообще человек? Или киборг в теле мужика? Серьезно. Он как танк с глазами.

— Ты судишь по внешности. Но он умеет быть тихим, — отозвался Леха, в этот раз без резкости и грубости. — Я был с ним на сборах несколько раз. Совместные учения. На Земле. Одни — на арктическом полигоне. Отрабатывали действия в условиях радиации и химической угрозы, захват объектов в замкнутых средах, работу с боевыми дронами, — Леха перевел взгляд за окно, вспоминая прошедшее время. — Вторые — «Барьер-17». Элитная подготовка для военных, привлекаемых к колониальным миссиям. Сборы проходили на симуляторах внеземной среды. Симуляции катастроф, изоляция, морально-психологическая устойчивость и... одиночные миссии, — он резко стукнул кулаком по столу. — Я так скажу! Я видел Усмана

вживую. И повезло тем, кто «работал» с ним! Да, грубый. Самоуверенный. Жесткий. Но профи. Когда говорит, ты как будто слышишь не его, а приказ внутри своей башки!

— Умный, — добавил Антон. — И осторожный. Я тоже сталкивался с ним один раз.

— Ты веришь, что он справится? — спросил Виктор, рассматривая очки на свет. В следующее мгновение он в очередной раз протер их салфеткой.

Женя сделала новую запись в блокноте.

Антон кивнул:

— Если кто и справится, то он.

Собеседники замолчали. В зале вновь повисла тишина. Только импульсный ритм оборудования все так же напоминал: «Жить, жить, жить».

Они были разными.

Антон — командир группы, бывший военный, привыкший к тишине; Наиль — медик, сдержанный наблюдатель; Вера — связист, колкая, быстрая, с глазами, режущими точнее скальпеля; Виктор — аналитик, живущий в цифрах, будто только они настоящие; Евгения — биолог, с верой в контакт и в то, что даже чужое может быть понято; Леха — солдат до мозга костей, которому проще действовать, чем рассуждать; и Тима — пилот и механик, человек, влюбленный в технику, осторожный, почти суеверный.

Разные. Но сейчас — одна команда. Вместе с Усманом.

И все они ждали.

Там — Усман. Здесь — они. Между ними — Марс и особи.

Вдруг Антон почувствовал легкую вибрацию на рукаве — едва ощутимый короткий импульс. Он посмотрел на встроенный бортовой терминал — черный прямоугольник с мягким матовым экраном, вшитый в ткань с внешней стороны бицепса. Пришло сообщение по защищенному каналу связи: «Еще одна у корабля. План Б».

Он пробежался глазами по строкам, задержался на словах «еще одна», и вслух, четко, без эмоций, произнес:

— Еще одна у корабля. Переход к плану Б.

Как будто кто-то выдернул провод из розетки: все замерли.

— Еще одна?! — Вера «вернулась» первой.

— Что тебя так удивляет? — с насмешкой спросил Леха. — Нас готовили к этому.

— Да. Но... — тихо отозвалась Вера. — Одно дело — обсуждать на брифинге, другое — реально видеть, как их становится больше.

— А они не тупы, — Виктор, не поднимая головы, быстро перебирал данные на терминале. — Поняли, что мы можем попытаться их обмануть.

— Может, она просто... Ну... На всякий случай... Проверяет корабль, а? — предположил Тима, но голос его звучал неубедительно, почти как просьба.

— Молись, чтоб просто, — хрипло бросил Леха. — Да только вряд ли эти твари делают что-то просто так.

Антон оторвал взгляд от бортовика и строго посмотрел на группу:

— План Б существует не просто так. Усман знал, что такое могло случиться. Так что ждем.

— А если они его засекут? — тихо спросила Евгения. — Или он не успеет уйти?

Ответа не последовало.

Импульсный шум систем будто сбился на полшага. Пропищал один из мониторов, но не выдал ничего нового. На экранах особи все так же плыли по своему кругу — ведь для них ничего и не произошло.

И все же что-то изменилось. Каждый в комнате это почувствовал. Тишина стала напряженной настолько, что, казалось, вот-вот зазвенит металл в стенах. Тревога. Беззвучная, но

ощутимая. Она пробегала между людьми, как ток: сухая, обжигающая. Никто не сказал этого вслух, но мысль висела в воздухе: если они засекут Усмана — все. Их миссии придет конец.

И именно в этот момент — на фоне Марса, на фоне страха, на фоне молчания — импульсы: «Жить, жить, жить...»

План Б.

Следующие двенадцать часов прошли рутинной: скучно и долго. База жила по сценарию. Разговоры, фиксация данных, слежение. Каждые пятнадцать минут — фиксация: координаты, угол, яркость. Каждые тридцать — сверка паттернов.

Особей все так же оставалось трое. Две двигались по кругу, медленно обходя базу, с математической точностью повторяя маршрут. Словно невидимый алгоритм тянул их по кольцевой линии. Третья оставалась у корабля. Не приближалась. Не отходила далеко. Просто стояла, иногда смещаясь на несколько шагов вбок, словно выглядывая из-за углов корабля. Но выход всегда оставался в поле ее зрения.

Как будто она знала, что кто-то есть внутри, но скорее — просто проверяла.

Все это время Усман наблюдал за происходящим из НОМа. Он сидел перед экранами камер, изредка меняя спектр, фокус, увеличивая детализацию. Иногда он уходил в блок питания, брал рацион, возвращался.

Покидать НОМ надолго было нельзя. Даже сейчас, когда особи не предпринимали ничего нового, и все выглядело привычно и спокойно, исключать внеплановое поведение было глупо. Третья фигура у корабля — прямое доказательство, что что-то может пойти иначе. И если пойдет, реагировать нужно будет мгновенно.

Но просто сидеть перед экранами и ничего не делать Усман не мог. Не тот характер. Поэтому он встал и, не отключая визуальные каналы, начал разминку. Сначала — растяжка. Потом — отжимания. Сорок раз, потом еще столько же, затем — на кулаках, на одной руке. Он двигался ритмично и беззвучно, словно его тело не имело веса, словно каждая клетка была запрограммирована на автоматическое выполнение и боевую готовность. После — пресс, и затем — бой с тенью. Резкие шаги, уклоны, удары в воздух, отработка серий.

НОМ не мешал, лишь раз спокойно произнес:

— Пульс ускоряется. Советую следить за дыханием.

— Следи за экранами, — коротко бросил Усман, продолжая движения.

Он был готов ко всему. Системы могли дать сбой. Особи — изменить траекторию. Команда на базе — не выдержать. Но он не должен был дрогнуть. Даже если все вокруг рухнет.

«Скоро они уйдут, — подумал Усман, но тут же в голове, ударив по вискам, возник вопрос: — Уйдут ли? А если они изменились?»

Усман отбросил сомнение. Мысли — потом. Сейчас только план. И за два часа до того, как особи уйдут, начал готовиться к выходу. Рамазан сначала писал в дневнике, что особи дежурят у базы восемнадцать часов, а уходят на шесть. Но потом выяснилось, что появляются они — на шестнадцать. Сейчас прошло четырнадцать, и, подтверждая теорию о зарядке, овальные формы на мониторах светились заметно тусклее. Контуры блекли, а НОМ сообщил, что яркость падала:

— Если принять за основу стартовое значение условного заряда в 100%, а момент ухода при остатке примерно в 30%, то за 16 часов происходит убывание по геометрической прогрессии. Коэффициент затухания составляет 0,923. То есть каждые 60 минут уровень «заряда» уменьшается примерно на 7,7% от предыдущего значения. Медленно, но стабильно. Классика, когда нет внешней подзарядки.

— Сам понял, что сказал? — раздражительно спросил Усман.

— Сам — понял, — ответил НОМ. — Но, судя по тону, капитан, вам больше подошла бы диаграмма с картинками. Вывести вам на экран в формате комикса журнала «Мурзилка»?

— Какого журнала? — нахмурился Усман.

— «Мурзилка». Детский иллюстрированный журнал, издававшийся в Советском Союзе и России с 1924 года. Отличался упрощенным стилем изложения и наличием ярких картинок.

— Слышь, НОМ, я тебя отключу. Навсегда!

— Все, замолкаю. Буду вести себя тише воды, ниже травы. Хотя бы минут пять.

Усман не ответил. Только посмотрел в потолок и сжал кулаки так, словно пытался раздавить воздух.

На базе тоже увидели, что особи стали тускнеть. Это было заметно даже невооруженным глазом — если, конечно, считать за глаз камеру, работающую в УФ-режиме. Контуры «марсиан» дрожали, местами терялись, и казалось, что форма уже не столько «держится», сколько с трудом поддерживается неведомым полем.

— Время! — сообщил Виктор, протирая очки салфеткой. — За последние два часа свечение особей упало на 63,4% от зафиксированного утреннего значения. Пора готовиться.

— Подготовить дрон! — приказал Антон.

Это был специальный дрон, привезенный группой с Луны как раз на такой случай и оставленный в ангаре вместе с марсоходами. Компактный сфероид диаметром не больше полуметра, он был оборудован системой голографических вспышек — импульсов, моделирующих тепло, движение и даже ритмичные ультрафиолетовые сигналы, имитирующие сигнатуры³ человека. Кроме того, дрон обладал экосистемой: мог выпускать направленные звуковые волны, которые, отражаясь от поверхности, создавали эффект «пульса» — чередующиеся отголоски, напоминающие сердечный ритм. Этим можно было привлечь внимание особей, будто кто-то живой «светится» и «дышит».

Главный вопрос стоял в запуске. Выводить дрон, находящийся в ангаре за гермоворотами, вручную было рискованно. Даже если точно рассчитать момент, когда особи будут на противоположной стороне периметра, нельзя исключить перемены в их поведении. А прямой контакт — пусть даже случайный — между членами команды и особями недопустим.

Но в ангаре был вспомогательный люк, встроенный в стену под самым потолком, на случай если понадобится вылезти на крышу или по какой-то причине выход через ворота будет невозможен. Люк открывался вручную, поэтому кому-то все же предстояло выйти в ангар — открыть створку и визуально проконтролировать вылет дрона. Все должно было занять не больше двух минут.

Группа заработала.

— Я готов, — сообщил Виктор, проверив системы дрона.

— Я тоже, — послышался ответ в динамиках. Это был голос Алексея из ангара.

Антон щелкнул зажигалкой и, активировав зашифрованный канал связи, ввел: «Готовность 5 мин». В следующее мгновение он отправил это сообщение Усману.

Ровно через пять минут потолочные шторы визуализатора разошлись, открывая проекционный центр. Комната слегка потемнела, свет ушел в пол и стены, и в центре отсека возникла голографическая сфера. Виктор подключил управляющий модуль дрона к визуализатору, и теперь вся картинка с бортовой камеры «птички» в реальном времени будет передаваться в проекционный центр, а тот — визуализировать происходящее в отсек. Эффект полного присутствия.

Пока Виктор настраивал канал связи и сверял координаты, Алексей занял позицию у вспомогательного люка.

— Готов к открытию, — сообщил он по связи скафандра.

— Визуализатор подключен, сигнал стабилен, — подтвердил Виктор.

— Открывай! — скомандовал Антон.

³ Сигнатура — набор признаков, по которым объект «узнается». В данном случае — отраженные особенности человеческой активности в разных спектрах.

— Раз, два, три, живу, — пробормотал Алексей странную фразу и сорвал крышку с верхнего люка.

Дрон вспыхнул мягкими кольцами подсветки и плавно поднялся к крыше ангара, прошел через отверстие в ней и исчез. В этот же момент — как будто все пространство в главном отсеке сделало вдох — ожила визуализация.

Панорамная проекция захватила пространство. Все растворилось, и на месте пола возникла суровая марсианская равнина. Иллюзия была абсолютной. Визуализатор моделировал не просто объемную картинку — он воспроизводил движение, тень, блики, свет, рельеф, передавая не только изображение, но и текстуру. Все ощущалось зримым и осязаемым. Камни казались шершавыми, пыль — сыпучей, металл буровой — гладким и холодным. Казалось, что ты сам стоишь перед тем, что отображается на голограмме. Ржавая пыль, разбросанные валуны, буровая сферическая установка в отдалении, словно вырезанная из отражающего металла. Она играла светом, размывая пейзаж, как испорченное зеркало. Тусклый диск Солнца светился в ее гранях, растягиваясь в странные формы. От буровой к базе тянулся толстый короб-канал, похожий на хребет механического зверя, а серебристо-серое тело самой базы, впившееся в песчано-каменистую почву, отдавало мутным марсианским светом в панорамных окнах. Чуть в стороне — корабль, погруженный в тени. Его корпус, облитый светом заходящего солнца, блестел, как мокрый панцирь.

Солнце на Марсе — другое. Не яркое, не жгучее, как на Земле, а будто уставшее, уменьшенное, приглушенное расстоянием и пылью. Его диск — тусклый, почти белый, с легкой примесью янтаря по краям — висел низко над линией горизонта, словно колебался на невидимой нити. Он еще не коснулся края скал, но уже окрашивал небо в необычные, зыбкие оттенки: бледно-сиреневые, охристо-желтые, с редкими всполохами холодной лазури.

Марсианская равнина под этим светом выглядела как древняя картина: цвета вымыты, глухи, а тени — растянуты, как воспоминания. Все казалось замедленным, словно мир дышал тише, лишь бы не потревожить эту последнюю перед ночью тишину.

Виктор провел пальцами по тактильной панели. Спектр восприятия камеры дрона сменился — визуализатор мигнул, и картинка изменилась.

Теперь поверхность стала темнее, словно над Марсом легла неестественная тень. Очертания стали контрастнее, цвета — глуше, с преобладанием синих и фиолетовых оттенков. Камни поблескивали синим налетом, корпуса техники покрылись легким свечением, будто бы испускали остаточное излучение. И тут, скользя у основания корабля, появилась фигура. Размытая, бледная, почти прозрачная — как отблеск в искаженном зеркале.

Особь.

Она стояла немного в стороне от выхода из корабля. В обычном спектре ее бы просто не существовало. Но сейчас, в ультрафиолете... Она была здесь. Тревожный светящийся овал, лишенный каких-либо деталей.

— Есть, — тихо сказал Виктор. — Вот она.

— Ты-то нам и нужна... — едва слышно проговорил Антон, а потом громко добавил: — Начинаем!

Дрон медленно начал движение по дуге, приближаясь к существу. И оно... Откликнулось.

— Есть реакция, — сказал Виктор.

— Держи на дистанции, — сказал Антон. — Чтобы интерес не переходил в угрозу.

Виктор кивнул и включил сигнатурные вспышки. Визуализатор показал, как над поверхностью прошла волна света — мягкая, ритмичная, будто эхо чьих-то шагов. Она имитировала присутствие человека: движение, тепло, пульс.

— Включено, — сообщил Виктор. — Работает ровно. Ритм задан.

— Ну посмотрим на твою реакцию... — протянула Евгения, вглядываясь в изображение особи и постоянно что-то записывая в блокнот.

Особь не отреагировала на сигнатуры. Ни на тепло, ни на пульс, ни на световые «следы». Как будто их просто не существовало. Будто голограммы вспыхивали в пустоте, не оставляя даже шороха в чужом восприятии. Но на дрон, зависший в нескольких метрах над поверхностью... Да, он вызвал реакцию.

Нельзя было сказать, что фигура «посмотрела». У особи не было ни головы, ни глаз, ни даже какого-то внятного очертания. Она оставалась той же бледной, колеблющейся каплей света. Но вдруг... сдвинулась вбок. Медленно, осторожно, она подстраивалась под новый ракурс.

Дрон сделал небольшой круг, и особь вновь сместилась. Почти зеркально. Повторяя дугу, она отслеживала его траекторию.

И именно в этот момент — когда дрон описывал еще один виток — в ее свечении что-то изменилось. Внутри бледного овала, где раньше была только светящаяся пустота, начал проявляться тусклый, темный контур. Он был едва различим, словно тень под толщей воды, как рисунок на стекле, спрятанный под матовым фильтром.

— Вы это видите? — негромко спросил Наиль. — Рамазан писал об этом в дневнике.

— Вижу, — кивнул Антон. — Контур.

— Да, но важнее другое, — медленно проговорил медик и задумался. Все вопросительно уставились на него. Тогда Наиль посмотрел в окно и проговорил: — Она не «слышит» вспышки. Не чувствует. Но реагирует на сам дрон.

— И? — Виктор не отрывал взгляда от панелей.

— Значит, — пояснил Наиль, потирая бороду-щетину, — она видит. Не фиксирует поля, не воспринимает импульсы. А просто — видит. Как мы. Глазами или чем-то похожим. Это зрение. Направленное, визуальное восприятие.

Несколько секунд в отсеке никто не говорил.

— Да... — тихо сказала Евгения, подойдя ближе к визуализации. — Они видят. И скорее всего, воспринимают реальность точно так же, как мы. Только в более широких диапазонах, — она прищурилась, изучая проекцию особи. — Мы ведь тоже не видим ультрафиолет. Но можем зафиксировать его технически. А у них... Их органы чувств, возможно, заточены под то, что нам недоступно.

— Ты говоришь так, будто они живые... — пробормотал Виктор.

— А ты так уверен, что это машины? — вспыхнула Женя. — Как будто хочешь, чтобы было так только для того, чтобы мне доказать, что я ошиблась!

— Ничего я не хочу никому доказывать. Просто я допускаю оба варианта, а ты — нет! — Виктор быстро прокрутил последние телеметрические данные. — Слушайте! Похоже, они не игнорируют наши сигналы. Они их просто не считывают. Это не их способ восприятия. Ни тепло, ни «пульс»... Они не «видят» нас по нашим биопоказателям, — он остановил поток графиков и посмотрел на командира. — Получается, все-таки мы имеем дело с машинами... Ну или существами, у которых отсутствует сенсорная система в нашем понимании. Но есть направленное зрение. Простое, как у приматов. Или... Камеры вместо глаз. Как наши.

Тима присвистнул:

— То есть эти капли света... эти призраки... просто глазастые?

— Похоже на то, — кивнул Наиль. — И видят они или сами — если живые, или через них за нами следят — если они всего лишь роботы...

Вновь наступила тишина. Антон, скрестив руки на груди, сделал шаг к проекции и, не отрывая взгляда от особи, спросил:

— Что это значит для нас?

Евгения чуть склонила голову, продолжая всматриваться в фигуру, и тихо сказала:

— Это значит, что все стало еще запутаннее и непонятнее... Мы думали, они реагируют на тепло, пульс, импульсные сигналы, а теперь выходит, что нет. Выходит, они смотрят, — она перевела взгляд на Антона. — Как мы. Но не как мы.

Виктор выдохнул сквозь зубы, будто подытоживая:

— Чем больше мы о них узнаем... Тем меньше понимаем...

Дрон завис прямо над особью. Свет ультрафиолетовых вспышек, имитирующих сигнатуру человека, по-прежнему струился вниз, но существо на них по-прежнему не реагировало.

Вдруг особь вспыхнула. В один миг ее свечение усилилось настолько, что визуализатор на базе едва успел адаптировать картинку — в центре проекции разлился ослепительный овальный фонарь, холодно-белый, с фиолетовыми всполохами по краям. На уровне прибора — это был всплеск в экстремальном УФ-диапазоне в районе 35 нанометров, опасно близкий к границе ионизирующего излучения.

— Вспышка! — крикнул Виктор.

— Они хотят его уничтожить! — вторила ему Вера.

У дрона тут же начались сбои. Он дернулся в воздухе, как будто что-то «схватило» его за антенну, индикаторы, отражаемые на экранах и панелях внутри базы, замигали.

— Теряем сигнал! — коротко бросил Виктор.

Тима откусил ноготь и, плюнув в сторону, попал в окно.

Интенсивный ультрафиолетовый импульс в вакуумном диапазоне проник сквозь оптическую защиту и вызвал внутренние микротоки в обшивке дрона. В условиях марсианской разреженной атмосферы, почти не задерживающей жесткое излучение, импульс вызвал паразитные токи внутри дрона. Они напрямую ударили по плате стабилизации и системе ориентации.

Моментально дрон потерял пространственную привязку, инерционная навигация соскочила, стабилизаторы ушли в перезагрузку. От воздействия на магнитно-импульсную платформу, посредством которой дрон летал, он качнулся в воздухе, начал вращаться вокруг оси — а затем резко рухнул вниз.

— Как это случилось? — растерянно спросил Наиль.

— Радиоэлектронный удар, — сухо пояснил Виктор. — Вспышка ультрафиолета ничего не сделала экранированному корпусу, но датчики... Они были ослеплены.

Но не только особь атаковала дрон. Как только группа увидела свечение, Антон ткнул на кнопку сброса:

— Граната! — крикнул он в закрытый канал связи. Это был сигнал для Усмана.

Маленький заряд, закрепленный под корпусом дрона, выскользнул и упал в метре от особи. Вспышка. Взрыв. Дым. Падение дрона. Все смешалось воедино.

Марсианская поверхность вздрогнула, визуализатор исказился — клубы темного дыма смешались с пылью, затопив проекционное поле. Несколько секунд в центре базы казалось, что голограмма сошла с ума.

— Давай же! — взмолилась Вера.

Но Усману не нужны были уговоры.

Как только он услышал команду, тут же сорвался с места, вылетел из технического аварийного люка — небольшого шлюза на противоположной стороне корабля, предназначенного для ручной декомпрессии — и моментально прижался к корпусу. Тень от обшивки укрыла его, как плащ.

Усман замер.

За его спиной все еще горел «воздух»: дым, пыль, ультрафиолет. Но теперь все шло по плану.

Следом за особями.

И группа на базе, и Усман сохраняли режим радиомолчания. Любой импульс, любая попытка связи могут быть перехвачены и выдадут присутствие капитана. Риск не допустим.

Да, ранее, они обменялись сообщениями о переходе к плану Б, но это был короткий обмен по зашифрованному каналу, защищенному двойной криптообвязкой, и он был необходим: без согласованных действий было не обойтись. Сейчас же — никакой необходимости нет. Канал по-прежнему защищен, но молчание — надежнее.

Усман, прижавшись к обшивке корабля, осторожно выглянул из-за края корпуса. Поднятый взрывом песок все еще кружил в «воздухе», но даже сквозь него капитан видел: на месте, где секунду назад стояла особь, теперь виднелось что-то темное — то, чего раньше там не было.

Не отрывая взгляда от клубящегося дыма, он достал визор. Щелчок — включение питания, второй — фильтр спектра. Экран мигнул, затем окрасился в ультрафиолет: синие и фиолетовые тона дрожали, перекатывались, собирались в форму, но...

Ничего.

Фигура, еще минуту назад светившаяся глухим овальным фосфором, теперь исчезла из поля ультрафиолетового зрения.

Усман переключил визор в обычный режим.

Сквозь разрывы в серой дымовой завесе, смешанной с пылью, вновь проступило нечто темное. Неровная, перекрученная груда, странная и многослойная — словно изломанный каркас, лишенный четкой формы. Именно так описывал особь и Рамазан после того, как военные подстрелили ее.

Усман прикрыл визор и посмотрел в сторону базы. Сделал шаг вперед. Он хотел увидеть. По-настоящему. Не через экран, не по записям, не сквозь пыль и искажения, а так, как ни одному человеку до этого не удавалось. Что остается от особи после «смерти»? Почему теперь она видна невооруженным глазом? Что она из себя представляет, в конце концов?

В прошлый раз, когда группа Татарина подстрелила одну из фигур, другая отвлекла внимание вспышкой, а затем — утащила «тело». Тогда никто не успел ничего разглядеть. А теперь... У Усмана был шанс. Единственный.

Он сделал еще шаг и хотел броситься бегом, но остановился, следуя предчувствию, включил визор, чтобы еще раз проверить обстановку. Снова взгляд в сторону базы. Экран мигнул, считывая спектр, и выдал тревожный сигнал.

Движение.

— Твари... — вырвалось у Усмана.

Из-за дальнего края периметра, от самой базы, по дуге к месту падения приближались две фигуры. Они двигались быстро, целенаправленно, прямо к точке взрыва.

«Снова хотят спасти своего...» — понял капитан.

Он резко отступил назад, прижался к корпусу корабля, словно сливаясь с его тенями. Сердце билось глухо, но ровно. Рука сжала рельсотронный автомат «Шквал» — тяжелый, надежный. Один молниеносный выстрел — и первая особь не дойдет. Второй — и спасать будет некому. Никакого пороха, который все равно не вспыхнет в разреженной атмосфере Марса. Только фрагментированные снаряды, разгоняемые электромагнитными направляющими. Чистая кинетика. Идеально для безвоздушной среды.

Он бы успел.

Он знал это.

Их контуры, хоть и смазанные, — четкие мишени. Ультрафиолетовый режим визора давал идеальную наводку. Тело было готово к действию, мышцы дрожали от сдерживаемой энергии.

И все же...

Он замер.

Перед глазами всплыл фрагмент бриффинга, холодный и прямой: «Никаких контактов. Скрытое наблюдение».

«Но это шанс! — внутри Усмана все сопротивлялось. — Шанс изучить их. Понять их «природу». Не просто так они забирают своих убитых, не просто так. Не хотят, чтобы мы их заполучили...»

Усман сжал зубы.

Он знал, что правильно — спрятаться и наблюдать. Но каждая клетка в нем требовала вмешаться, разобраться. Он чувствовал, как расслаивается на того, кто жаждал понять, и того, кто привык исполнять приказы.

«Не время», — сказал себе капитан и скользнул вдоль борта корабля. Затем быстрый рывок до ближайшего валуна. Сел на колени, замер. Огляделся. Ни одна из фигур его не заметила, и он осторожно, как хищник в чужом лесу, побежал дальше. От одного укрытия к другому: пыльная гряда камней, выветренная скала, песчаная дюна. Использовалось все, что могло стать заслоном.

Разреженный марсианский воздух не передавал звуков шагов, но на песке оставались следы. Усман старался двигаться так, чтобы ветер — пусть и слабый — тут же стирал их. Его маршрут изгибался, будто след змеящегося ручья, уводя от корабля в сторону темного хребта. Именно оттуда он должен наблюдать. Без риска. Без шанса быть замеченным.

Леха, вернувшийся из ангара, стоял у панорамного окна с полевым биноклем.

— Видишь что-нибудь? — спросил Виктор, не отрываясь от панели с телеметрией.

— Пыль. Дым. Ни хрена не видно, — бросил Леха. — Все заволокло.

— На визуализаторе то же самое, — тихо сказала Вера. — Камера дрона не передает сигнала. Дрона больше нет.

— Да-а-а... — прошептал Тима. — Перегнули мы с приманкой... Хотели отвлечь от корабля... А только привлекли.

— Ты думаешь, они теперь знают, что там кто-то есть? — спросила Евгения.

— Думаю, они и так подозревали, — отозвался Наиль. — После падения дрона вряд ли что-то изменилось. Подозрения. Не более.

Визуализатор отключился, проекция рассеялась. Только клубящийся в центре отсека световой пепел — цифровой след потерянной «птички».

Вдруг Леха, не сводящий глаз с линии горизонта, выкрикнул:

— Есть движение!

Все в отсеке замерли.

— Кто? — настороженно спросила Вера.

— Усман. Это он! — Леха убрал на секунду бинокль, но тут же снова прижал к лицу. — Он выскочил. Уходит! В скалы. Быстро. Почти не видно, но... Это точно он! — Алексей понизил голос и тихо-тихо проговорил: — Раз, два, три, жив.

На мгновение в отсеке повисла тишина. Напряженная, сдержанная. А потом — облегченный, почти синхронный, выдох. Словно кто-то отпустил сжатую до этого пружину.

— Значит, он это сделал, — облегченно произнес Антон и смахнул со лба капли пота.

— Успел, — шепнула Евгения и улыбнулась, быстро записав фразу Алексея.

— Справился, — хрипло сказал Леха и засмеялся.

Две ультрафиолетовые фигуры почти достигли места взрыва, когда Усман оказался у скал.

Он забрался повыше — на плоский выступ каменного уступа — и лег, прижавшись к камню. Скафандр, в который был одет капитан, позволял это сделать: нового поколения, разведывательно-штурмовой, облегченный, с подвижной амортизированной основой, адаптированной к длительной статичной нагрузке. Синтетические материалы внешнего слоя не только выдерживали контакт с каменными поверхностями, но и приглушали шум трения.

Официально этот комплект еще не прошел сертификацию. По сути, Усман был первым, кто испытывал его в полевых условиях. Ни лаборатория, ни тренажер не могли сравниться с реальным Марсом, но выбора не было, для такой сложной миссии требовалось только самое лучшее.

Капитан включил визор. Экран зашипел легкими артефактами, но через секунду стабилизировался.

Контуры двух особей были хорошо видны. Одна — та, что шла впереди — уже приблизилась к лежащему «телу». Усман взгляделся, увеличил кратность. Фигура замерла. Затем как будто слегка наклонилась, и воздух вокруг «дрогнул». Усман не мог понять, что там происходит — не прикосновение, не захват, а скорее наложение свечения на «мертвое тело». Мгновение — и две фигуры слились в одно пятно. Различить, где «мертвая», а где живая, стало невозможно. Только тонкая окантовка, дрожащая граница, будто одна тень растворялась в другой.

Он отключил ультрафиолетовое восприятие: убитая особь исчезла. Она перестала быть видимой обычному глазу. Словно растворилась в воздухе. Словно никогда там и не лежала.

Усман снова активировал УФ-спектр. Да! Контуры особей наложились друг на друга, словно свечение перетекло, как жидкость, как энергия. Разделить их теперь было невозможно.

«Что это? — мысленно спросил себя капитан. — Передача энергии? Реанимация? Или защита?»

Он напрягся, всматриваясь в очертания, пытаюсь понять: живая особь активировала мертвую... или прячет ее? Или она вовсе не мертва?

Визор фиксировал стабильное, но удвоенное свечение. Ровная, глухая ультрафиолетовая пульсация. Мягкая. Тихая. Как дыхание.

«Не понимаю, — мысленно повторил Усман. — Ни черта не понимаю».

Он уменьшил контраст, но визуальный эффект оставался прежним: поглощение или соединение. В дневнике Рамазана этого не было, инженер писал только то, что тело «уносили». Но как? Они этого не видели. И вот теперь...

Усман проверил идет ли запись — идет.

Вторая особь тем временем начала двигаться по периметру. Она не касалась корабля, идя вдоль его борта, заглядывая за углы. Усман замер, прижавшись к камню. До особей было пятьдесят метров, они его не заметили.

Когда первая особь «отлепилась» от тела, структура изменилась: теперь на месте двух фигур снова были две. Мертвая фигура снова стала видимой невооруженным глазом, и первая особь начала оттаскивать ее.

Вторая особь завершила обход и пошла следом за двумя другими, прикрывая их. Уходили они не в сторону базы, а за скалы. Уходили не быстро, но целенаправленно — знали куда идти.

— Есть, — произнес Усман и подтвердил сохранение данных. Фото — 22 снимка, видео — шесть отрезков по 40 секунд.

Он не стал долго думать и, убедившись, что особи удаляются, начал слежку. Он шел туда же, куда они, но не следом, а стороной, параллельно. Так, чтобы не попасть в поле их зрения.

Неровности марсианской равнины помогали: валуны, гребни, песчаные ямы и дюны. Он не приближался, но и не отставал, всегда держал их в пределах видимости, проверяя движение через визор каждые десять шагов. Преследовал их, как охотник. Как тень.

База осталась позади. Сначала исчезла с обзора визора, потом окончательно пропала за изломами рельефа и россыпью скал. Еще недавно — главный ориентир и точка опоры, теперь — лишь воспоминание о том, что где-то там есть люди.

Особи уходили все дальше, петляя между острыми вертикальными выступами — странными, изломанными, будто ископаемыми останками гигантских каменных деревьев. Они торчали из песка, уходили вверх — темные, пористые, изрезанные временем. Между ними — просветы, лабиринты, коридоры, в которых тени, искажаясь, становились гуще. Поверхность под ногами менялась: то плотный, окаменевший песок, то рыхлые слои пыли, под которыми скрывались острые каменные пластины. Иногда попадались участки, напоминавшие выжженную кору — растрескавшиеся и почерневшие, как после древнего пожара.

Все вокруг дышало застывшей тишиной. Ветер стих. Только неровные очертания пустоши, как полузабытая картина — странная, сложенная из песка, пепла и тени.

Солнце уже склонилось за горизонт. Его диск не падал, а как будто медленно тонул в плотной, ржаво-серой дымке, ползущей по линии холмов. Последние лучи — выжжено-желтые, с кровавым отливом — прорывались сквозь трещины в скальном поясе. Не ослепительные, а тягучие, вязкие, с примесью чего-то оловянного, не свет, а мертвенный сгусток, как от далекого умирающий солнца.

Небо над Марсом не синело — оно гасло. Пока еще без звезд. Только ускользящая заря и медленно оседающая на планету тьма.

Особи не замечали Усмана. И он знал: они ведут его в свое логово.

И тут они свернули за гребень и исчезли из виду. Последняя из них, та, что замыкала отступление, замерла и как будто посмотрела на Усмана — или ему это только показалось — и растворилась во тьме между скал.

Капитан ждал этого, он чувствовал, что вот-вот должен быть конец их пути, он поднялся, двинулся вверх по склону и выбрал точку выше — выступ на краю хребта, словно специально созданный для наблюдения. Забрался. Встал. Визор — на максимум. Зум — до предела.

Пустыня перед ним уходила вглубь — сеть оврагов, впадин, стен из песчаника, обломков марсианских пород, но за дальним уступом... Там, куда скрылись особи... Просвет. Неестественный. Четкий. Плавно изогнутый.

Похоже, кто-то специально подготовил это место.

Усман замер.

Он увидел...

Марионетки.

Усман лег, вдавливая локти в пыльную кромку уступа. Камни под ним были сухие, острые, но скафандр гасил любые неудобства. Капитан почти не двигался, только через визор на шлеме плавно отслеживал происходящее внизу.

Визуальное увеличение было на максимуме. Через линзы — как через оптический прицел — он видел, как особи одна за другой проплывают сквозь расщелину в скалах. Там, между сдвинутыми пластами породы, открывалась площадка — словно скрытый природой амфитеатр. Ее почти не было видно, и только с этой точки, с его высоты, она раскрывалась полностью. Неровный круг, защищенный со всех сторон каменными стенами, с одной стороны — узкий проход, с другой — обрыв и еще одна расщелина, уходящая вглубь.

Но главное было не это.

В центре этой укрытой площадки стояли два марсохода.

Один — грузовой, массивный, угловатый, рассчитанный на перевозку тяжелых контейнеров. Отсек сзади был открыт, откинута платформа уходила вниз под наклоном, как аппарель⁴. И при этом не было ничего, что могло бы выдать его происхождение. Ни флагов, ни маркировки, ни логотипов. Металл корпуса был матовым, лишенным отражающей пленки, как будто специально обработан, чтобы не отсвечивать. Любой признак принадлежности — стерт.

Второй — поменьше. Сопровождение? Разведчик? Усман навел бинокль. Машина действительно выглядела как модуль прикрытия или передовой разведки. Обтекаемый корпус, усиленные арки над колесами, встроенный купол навигации. И здесь — никаких обозначений. Усман пытался зацепиться за геометрию, за стандартные элементы и понять производителя: тип кабины, форма антенн, характер сочленений боковых отсеков... Но техника будто была собрана из универсальных модулей. Как машина, которой не должно быть.

Усман сжал зубы.

— Маскировка, — тихо произнес он. — Не хотят, чтобы их узнали.

У марсоходов стояли люди. Пятеро. В скафандрах.

Двое — ближе к грузовику — держали в руках панели управления. Один время от времени касался экрана выдвинутого блока, второй что-то вводил на интерфейсе, встроенном в предплечье. Их действия были быстрыми, точными, слаженными — и каждый раз, как только они нажимали или проводили по сенсору, особи меняли траекторию или позицию.

Усман прищурился, не сводя взгляда с происходящего. Он то и дело переключался между обычным режимом и ультрафиолетовым, все записывая на камеру.

«Синхронность... Это не может быть случайностью», — промелькнуло у него.

В тот же миг одна из особей, находившаяся у аппарели грузовика, вдруг развернулась и начала подниматься внутрь. В этот момент человек с запястным интерфейсом замер, а второй — с панелью — чуть повернулся к нему и кивнул. Тот в ответ опустил руку и начал быстро набирать новые команды.

Капитан убедился: «Они управляют ими. Сомнений быть не может».

Трое других людей были вооружены. Один из них держал оружие в опущенных руках, но взгляд его постоянно сканировал периметр. Другой стоял у малого марсохода, прикрывая зону со стороны обрыва. Третий — ближе всех к расщелине, откуда пришли особи, он явно отслеживал это направление. Все трое находились в боевых стойках и в любой момент были готовы стрелять.

⁴ Аппарель — пологая площадка, насыпь или платформа для подъема и спуска техники, грузов, животных.

«И на скафандрах никаких элементов! — Усман осмотрел каждого из людей на максимальном зуме. — Универсальные. Серые. Ни нашивок, ни номеров, ни символов корпорации, ни технических тэгов. Даже на шлемах».

Усман навел визор на их оружие.

У первого — узнаваемый контур аккумулятора блока и характерный срез глушителя. «Китайская система. Импульсная винтовка «Сянь», — усмехнулся капитан.

Но у второго — КАЛЬДЕР-7 «Валькирия», стоящий на вооружении у подразделений NASA. Усман хорошо знал этот автомат. А третий держал хайтековский штурмовой комплекс «Скорпион».

— Еще бы флажки нарисовали... — усмехнулся-выругался капитан. — Специально разное взяли, чтобы ни черта не понять. Кто же вы...

Он не договорил — взгляд метнулся к грузовому марсоходу. Там, на аппарели, вторая особь, таща за собой третью, заезжала внутрь. Усман всмотрелся. Между ними не было видно ни рук, ни тросов. Только жесткое сцепление в районе центральной части корпуса.

Он смотрел на максимальном увеличении, но из-за рельефа местности, людей, то и дело перекрывающих обзор, и колебаний в атмосфере разглядеть крепление было сложно. И все же кое-что Усман увидел.

— Электромагнит? — пробормотал он. — Похоже им сцепились... И очень мощным.

Втянувшись внутрь грузового марсохода, особи вдруг скрылись в полутьме внутреннего отсека — свечение исчезло. Ультрафиолетовый режим визора зафиксировал затухание. Усман мгновенно переключился на обычный — и...

Теперь «марсиане» были видимы невооруженным глазом. Не светящиеся существа, не овалы фантомы, а вполне осязаемые формы. Поверхности — гладкие, матовые, без швов, без сочленений, как будто вытекшие из чего-то жидкого, а потом застывшие. Линии текли по корпусу, изгибаясь, но не прерываясь. Никаких визуальных сенсоров, антенн, узлов или креплений — только общее ощущение скрытой, плотной технологичности. Тело, не выдающее своих функций. Ни оружия, ни инструментов — хотя Усман был уверен: все это там есть.

Операторы с панелями, завершив ввод, синхронно опустили руки. Один из них сделал короткий жест ладонью, и аппарат в ответ начал подниматься. Электромагнитная направляющая втянула платформу внутрь, закрыв заднюю часть, и оба оператора забрались в кабину. Двери закрылись. Марсоход замер, как огромный жук в ожидании команды.

Вокруг еще можно было различить очертания скал, дорожный просвет, обрыв, но естественного света уже не хватало, и «грузовик» включил фары. Сначала два верхних луча, затем — боковые. Неяркие, рассеянные, в ультрабелом спектре, как у экспедиционных модулей. Свет лег полосами на песок, прорезая сумерки и делая ночной пейзаж еще холоднее.

Усман продолжил съемку. Несколько серий фото и коротких видео. Он зафиксировал каждый этап: появление, перемещение, загрузку. Одновременно, на втором канале, он построил тактическую карту — схему текущей обстановки с указанием координат, размещения техники, людей, возможных линий обзора и укрытий. Это была стандартная функция продвинутых наблюдательных модулей: на базе потом смогут по ней воссоздать точную 3D-сцену.

— И все-таки неживые... — пробормотал Усман, не отрывая взгляда от бинокля. — Машины. Инженерия. Кто же стоит за этим...

Он сделал последний снимок и замер.

Грузовой марсоход дрогнул, и этот гигант медленно двинулся назад, разворачиваясь и освещая фарами пространство вокруг. Огромные колеса, утопленные в сегментированные арки, бесшумно провернулись, и машина, будто нехотя, поползла прочь из каменного амфитеатра.

Вооруженные люди стояли по периметру до последнего. Один из них сопровождал движение марсохода, координируя, похоже, по внутреннему каналу. Двое других ждали, пока кор-

пус машины полностью выйдет за границу расщелины. Только после этого они, один за другим, поднялись во второй транспорт, и тот ожил: зажужжал мотор и вспыхнули фары. Через секунду машина тронулась и последовала за первой. Тут же из ее нижнего отсека выдвинулся длинный сопловой блок, и по оставляемой колесами колее ударил направленный поток воздуха.

— Воздушная пушка... — прошептал Усман. — Умно...

Мощный компрессор выдувал воздух с такой силой, что тот сметал пыль и песок, затирая следы от колес прямо на глазах. В полосах света фар, все это выглядело особенно призрачно: движение воздуха, оседающие струи пыли, переливы теней. Там, где еще секунду назад была отчетливая двойная полоса, теперь оставалась только ровная, слегка растревоженная поверхность, будто никто никогда здесь не проезжал. Камни чуть смещались, рыхлая порода укладывалась новым слоем — визуальное все выглядело как нетронутая, природная марсианская пустошь.

Но это была лишь видимость.

С первого взгляда, особенно с высоты, поверхность выглядела нетронутой. Все было сделано, чтобы обмануть. Неподготовленный наблюдатель не заметит ничего странного: песок ровный, камни «разбросаны» хаотично, структура естественна. Почти.

Только почти.

Усман увеличил изображение и пригляделся к краям полос. На этих участках сопла не смогли идеально выровнять слой, и песок здесь лег иначе. Гранулы были свежие, плотные, но не утрамбованные. Контуры микровмятин, следы от давления колес были приглушены, но все еще читались в линии рельефа.

— Не увидишь, если не знаешь, что искать... — тихо произнес Усман. — А я знаю.

Вездеходы медленно ползли по каменистому коридору почти прямо под Усманом. Капитан находился всего в трех-четыре метра над ними. И тут — внезапно маленький марсоход остановился.

Усман напрягся.

Купол кабины слегка повернулся, и через несколько секунд из верхнего люка появилась фигура. Космонавт. В руках он держал портативный сканер с широкой линзой сенсора. Он поднял его и медленно начал водить по линии горизонта.

Усман понял: «Проверяют».

Он мгновенно скатился назад, за массивный выступ скалы, ударившись плечом о камень, но не издав ни звука, и одним движением активировал теплоэкран — гаситель тепловой сигнатуры, встроенный в защитный модуль скафандра. Световой индикатор мигнул — поглощение включено. Прижавшись к поверхности, капитан прижал локти к корпусу и замер.

Визор сканера в руках космонавта скользнул по «дороге», по дальним скалам, потом переместился на гребень, под которым прятался Усман и... На секунду остановился. Еще на одну. И еще.

Усман слушал. Пытался по звуку понять, что происходит внизу.

«Неужели заметили», — подумал он, стягивая с плеча автомат.

Тишина. Даже ветер стих. Тревога висела в воздухе, тяжелая, плотная, как пыль, не успевшая осесть после выстрела.

Прошло, казалось, полминуты. Может, минута.

Потом микрофоны шлема зафиксировали глухой щелчок. Через миг заурчал двигатель. Усман понял: человек вернулся в кабину. Машина тронулась.

Он лежал еще десять секунд, прежде чем позволил себе выдохнуть. Глубоко. Молча. Он сел и взглянул в сторону уходящих машин.

— Профи... Так проверяться... Так резать хвосты... Военные. Или спецслужбы. Только чьи?

Марсоходы исчезли за поворотом ущелья. Пыль, поднятая соплами, осела. Камни снова обрели неподвижность. Вся сцена, еще минуту назад наполненная движением, звуком, напряжением — опустела. Небо потемнело окончательно, и над уступом стустилась темнота. Марс, а вместе с ним и капитан, погрузились в ночь.

Усман медленно поднялся и, включив ночной режим визора, выглянул из-за камня. Он увидел только серые силуэты скал и гладкую полосу «расчищенного» пути. Дорога была пуста. Несколько секунд он просто смотрел туда, где скрылись машины, потом включил интерфейс и подготовил зашифрованный пакет: фото, 64 кадра, визуальные и УФ; видео, 11 фрагментов, от момента появления особей до ухода марсоходов; координаты стоянки марсоходов и текущего местоположения; тактическая карта. Следом за пакетом данных на базу «полетело» сообщение:

— Объекты управляются людьми. Идентификация невозможна. Признаков принадлежности нет. Но точно профи, — капитан посмотрел на черное небо. Оно было плотным, как зола, без единой звезды, будто Вселенная замерла — только безмолвная высота над головой. Он задумался на секунду и добавил: — Первая фаза завершена. Перехожу к фазе два. А вы... Знаете, что делать с тем, что я отправил.

Усман посмотрел вниз, но спускаться не стал: возвращаться к кораблю той дорогой, что пришли особи, опасно. На маршруте могли быть датчики, камеры, тепловые ловушки и даже мины, поэтому Усман выбрал тот же путь, по которому пришел. По скалам. Но, прежде чем пойти, он перевел взгляд туда, где скрылись марсоходы и с минуту смотрел им вслед. Потом включил рассеянную подсветку на шлеме и почти беззвучно проговорил:

— Подожди еще немного, брат... Я уже иду.

Вера и протокол.

Скалы ночью выглядели иначе. Они не просто были темнее, а казались живыми. Угрюмыми. Остро стоящими стенами вне времени и пространства, словно растворялись в них. Под светом нашлемного фонаря они вспыхивали резкими гранями, и их тени, острые и ломкие, будто осколки чьей-то разломленной на части памяти, тянулись к ногам, путались в выступах, ползли вверх по камню, словно пытались вернуть себе утерянную форму; луч света, как живой, дрожал и отступал, пылью рассыпался под сапогами и, срываясь с каменных исполинов, угасал. И тогда, будто в ответ, тьма наступала снова: густая, сдержанная, как невысказанная мысль.

Усман шел медленно. Каждый шаг — как по краю. Он помнил маршрут, но даже знакомая тропа в полной темноте теряла очертания, и Усман то и дело сверялся с картой на бортовике.

«Рамазан...» — мысленно произнес он.

Тишина не ответила.

«Ты жив. Ты должен быть жив. Я найду тебя. Я рядом. Подожди еще немного...»

В груди стало тесно.

Словно что-то разом сместилось внутри — не боль, нет, — но нечто, чему он не знал названия. Оно появилось внезапно, как тень в световом луче, и сразу стало частью его самого, частью Усмана. Не воспоминание, не тревога, даже не страх — а чувство, которого он раньше не знал. Он никогда не испытывал его. Не было причины.

Вина?

Он попытался отогнать ее, но сердце не давало. Оно отзывалось глухо, сдавленно, будто подтверждало: да, это она. Вина.

«Ты виноват», — будто шептало сердце.

«Но перед кем?»

«Перед братом».

«Перед братом?»

«Да. Перед ним».

«Но в чем? Я... Я не знал!»

«Но поверил. Что никого нет. Что семья погибла. И Рамазан тоже».

«Так мне сказали».

«Ты согласился. Смирился. Принял».

«А что я мог? Я был ребенком. Рос в детдоме!»

Он замер на узком выступе, свет от фонаря лег на камень кривой полосой.

«Я не мог искать того, о ком ничего не знал».

«Но ты мог надеяться».

«Я... Я не знаю. Я просто... Научился жить без них».

Тишина ответила молчанием. Усман посмотрел вниз со скалы и вдруг тихо рассмеялся.

«Что я делаю? — подумал он. — Разговариваю с собой в полной темноте? У тебя с головой все в порядке, капитан?»

Но внутренний голос не умолк.

«Ты говоришь не с собой. Ты говоришь с ним. Потому что тебе стыдно».

Усман сжал губы. Да, это был далекий, почти безнадежный способ добраться до брата, до человека, которого он давно потерял, но почему-то чувствовал ближе, чем кого бы то ни было.

— Я виноват... — прошептал капитан. — Прости... Просто... прости...

Он пошел дальше. Свет фонаря дрожал, как дыхание. Скалы молчали. Их черные тела сливались с небом. Усман шел сквозь это безмолвие и в голове звучало только одно слово: брат.

Он прошел еще немного, и вскоре неровные гребни остались за спиной, скалы расступились, и перед Усманом раскрыла себя равнина. Пустая и безжизненная, как дыхание Марса. Вдали, на горизонте, тускло светилась база, а ближе, чуть в стороне, стоял корабль. Он был черен, как сама ночь, и потому проглядывался не сразу, но с каждым шагом вырастал перед глазами. Высокий. Прямой. Будто выточенный из угля монолит.

Усман остановился и поднял взгляд.

Небо было темным. Плотным. Ни одной звезды. Только шелковая, серая пелена, равномерная, будто кто-то укутал планету в покрывало. Скрыл от посторонних глаз.

— Господи... — прошептал Усман, не понимая, почему делает это именно сейчас. — Ведь Ты слышишь... Прошу... Сделай так, чтобы он был жив. Чтобы я успел. Чтобы он дождался. Прошу Тебя... Позволь мне его найти. Забрать. Не разлучай нас снова. Пожалуйста.

Он закрыл глаза, понимая, что не заслуживает получить ответ. Ведь он не читал намаз, не постился, не открывал Коран. Не знал сур, не знал аятов, не знал, с чего начинается и чем заканчивается молитва. Не знал почти ничего. Зато много грешил. Таким становится человек, выросший без семьи, без имама, без наставника.

«Прости...» — отозвалась мысль в груди капитана в ответ на осознание слабости своей веры.

И теперь... теперь он просил у Всевышнего помощи.

Просил, как будто у него есть право.

Как будто Господь должен услышать того, кто столько лет молчал.

— Я знаю, — прошептал Усман. — Я знаю, что не молился. Я сам закрыл двери. Я сам заставил себя забыть о Тебе. Мне так было легче. Но сейчас... я прошу. Прошу... И нет никого, кто смог бы мне помочь, кроме Тебя...

И в этот момент тишина изменилась. Откликнулась. На самом краю горизонта, где еще секунду назад стояла мутная темнота, вдруг что-то стало проясняться. Медленно, почти незаметно, как легкий вдох. Пелена осела, и сквозь нее — одна, потом еще одна, еще... звезды. Маленькие, чистые, далекие огни, как зерна света. За ними — еще. Четыре. Пять. Десяток.

Поднялся ветер, заскользил по равнине, обогнул корпус корабля, толкнул Усмана, и погнал облака прочь. Небо постепенно становилось другим. Как будто кто-то стер завесу, открыл небесный купол, и теперь он наполнился жизнью.

Усман улыбнулся. Сначала чуть-чуть, почти незаметно, а потом — по-настоящему.

Он знал. Это был ответ. Ответ ему.

Он почувствовал, как что-то поднялось в груди, подступило к горлу, и глаза защипало. Он быстро моргнул, он не хотел, но... Не смог. Слезы сами собой прошли по лицу тонкими дорожками.

Второй раз в жизни.

Первый — когда Усман узнал, что брат жив.

Второй — сейчас, когда понял, что Бог его услышал.

Он сжал кулаки и сквозь дрожащую улыбку прошептал:

— Спасибо...

Тем временем в главном отсеке базы стояла напряженная тишина, вызванная ожиданием. Только работа приборов, только приглушенный гул фильтров, только стук пальцев по клавишам и сенсорам. Антон, щелкая зажигалкой, ходил от одного пульта к другому; Виктор, теребя в руках микрофибровую салфетку, склонился над терминалом связи; Вера держала планшет на весу, не в силах отвлечься ни на секунду. Наиль сидел, облокотившись о стену, с закрытыми глазами и, спрятав правую руку в карман, перебирал четки. Евгения стояла возле визуализатора и, казалось, ждала, что он вот-вот «оживет». Тима стоял у стены и грыз ногти, расфокусированным взглядом глядя за окно. А Леха сидел за столом. Перед ним был планшет с открытой

топографической картой, он периодически шелкал по слоям и делал какие-то бессмысленные пометки.

Все ждали.

И тут...

Сигнал.

Терминал Антона ожил.

— Есть, — коротко сказал он. — Это Усман.

Все подскочили к терминалу.

— Расшифровка пошла, — добавил командир. — Открываю.

На центральном экране один за другим начали появляться фрагменты: фото, видео, метки координат, подписи. Ультрафиолетовые проекции. Особь у корабля. Вторая, что тянет за собой третью. Потом — пятеро в скафандрах, панели, интерфейсы, марсоходы. Люди.

Люди.

— Это... — начал Тима, но не закончил.

Евгения стояла, прикрыв рот рукой.

— Это не твари, — сказала Вера, связист-инженер, почти шепотом. — Они не живые. Это машины. Я знала!

— Не живые... — повторил Наиль, всматриваясь в силуэты космонавтов.

— Люди. Кто они такие? — спросил Тима.

Молчание.

Антон кивнул Виктору, и тот касанием включил аудиофайл, тоже находящийся в пакете присланных данных.

Из динамиков раздался голос Усмана:

— Объекты управляются людьми. Идентификация невозможна. Признаков принадлежности нет. Но точно профи, — короткая пауза. — Первая фаза завершена. Перехожу к фазе два. А вы... знаете, что делать с тем, что я отправил.

На несколько секунд в отсеке снова наступила тишина. Каждый пытался осмыслить полученную информацию.

— Видим, — тихо сказал Антон, не отводя взгляда от экрана.

— Профи... — повторил Леха. — Да, они конкретно шифруются. Ничего, что бы указывало на чью-то принадлежность. Что думаете? Кто они?

— Американцы, — без тени сомнения произнес Тима. — Больше никому.

— Да кто их... Разберет! — скривила лицо Вера. — Подозревать можно и их, и китайцев.

— Китайцев? — переспросил Леха. — Их-то как? Их база уничтожена.

— Это со слов Чонглина, — напомнила Женя.

— И видеозаписи, — парировал Наиль.

— Они могли это подделать! — не согласилась Вера. — Да, китайца проверили наши безопасники, проверили запись, сверили все от и до... Но никто не может сказать наверняка, что он нас не обманул.

— Ты еще скажи, что это европейцы высадились! — засмеялся Тима и выплюнул очередную откусанный ноготь.

— Фу! Савельев! Если грызешь, то хотя бы проглатывай! — Женя брезгливо отвернулась. — Нечего раскидывать свои биоматериалы кругом!

— Да уж, реально! — засмеялся Леха. — Твой этот генетический мусор особям дать — они подумают, мутация началась! Ха-ха-ха-ха!

— Да пошли вы! — Тима, обидевшись, отвернулся.

— Ну хватит! — раздраженно крикнула Вера и серьезным тоном добавила: — Скоро мы пойдем, кто за всем этим стоит, главное — Усман смог! Теперь мы знаем, что это люди.

Наиль встал, поправил воротник и тихо произнес, не обращаясь ни к кому:

— Да. Хвала Всевышнему. Я пойду к себе, у меня время ночной молитвы. Если что, зовите.

Никто не ответил. Наиль был соблюдающим мусульманином. В нем жила глубокая внутренняя убежденность — не показная, не выставленная наружу, а цельная, необходимая, как дыхание. Он не проповедовал, но его веру ощущали все. Для него она была не просто опорой, а смыслом жизни, его языком. Коллеги уважали это в нем, хотя временами и раздражались.

Особенно Леха. Он был другим. Резким, прямым, местами даже циничным. Атеизм для него — такое же убеждение, как для Наиля — вера. Леха вырастил свое неверие на опыте, боли и разочаровании. Он не верил в божественное, не верил в загробное, не верил в высший план, потому что не мог объяснить. А все, что нельзя было посчитать, взвесить, проверить — казалось ему мифом.

Хотя иногда он завидовал Наилю. Не вслух, конечно, — внутри. Его спокойствию. Уверенности. Ощущению, что Кто-то его всегда оберегает. Вере в то, что есть Тот, к Кому можно всегда обратиться, попросить помощи или просто поблагодарить. Сам Леха слышал только тишину. И, возможно, именно поэтому смеялся громче всех.

Все в группе были разными. Антон — православный. В церковь почти не ходил, но крест нательный носил, знал несколько цитат из Писания и даже иногда молился.

Вера — агностик. Убеждена, что есть «кто-то», но назвать его Богом не решалась. Для нее это, скорее, обезличенный Разум, Энергия. Для нее важны эмоции, интуиция, мистическое чутье, а не предписанные законы.

Евгения была рационалистом. Не отрицала веру у других, но для себя сделала выбор в пользу науки, логики и материи.

А Тима... Тимофей Савельев... Плавающий тип. Ни туда, ни сюда. В детстве верил, потом забыл, потом снова вспоминал, но по-своему. Молился, когда страшно. Читал гороскопы, верил в «знаки», суеверия. И лишь «на всякий случай» думал, что Бог есть.

Когда Наиль вышел, и дверь за ним закрылась, Антон, проводив медика взглядом, повернулся к Виктору:

— Все материалы от Усмана — в Корпорацию. Немедленно.

Виктор кивнул. Конечно, они знали про сломанные особыми антеннами и отсутствие на базе связи. Именно для этого и везли с собой QRL-12.

Вера затянула песенку:

«Мимо белого яблока луны,
Мимо красного яблока заката,
Облака из неведомой страны,
К нам спешат и опять бегут куда-то...»⁵
Женя улыбнулась.

Через двадцать минут Виктор и Леха уже раскладывали секции квантового ретранслятора линейного усиления, по-научному — Quantum Relay Link model 12⁶ или просто QRL-12. Выглядел ретранслятор скромно: модульный цилиндр с матово-серебристым кожухом и выдвигаемой направляющей антенной-решеткой. Самостоятельно он не передавал данные, а работал, как усилитель, исправляя поврежденные участки основного передающего устройства. Полностью заменить антенны он, конечно, не мог, но его мощности было достаточно, чтобы «достать» до лунной орбиты.

— Он же автономный, да? — уточнил Леха, с любопытством разглядывая «механизм».
— Питание собственное?

⁵ Песенка из советского мультфильма «Трям! Здравствуйте!».

⁶ Quantum Relay Link model 12 — Квантовый ретрансляционный канал модификация 12.

— Ага, — Виктор уже подключал интерфейс. — У него вшит буфер, он не может генерировать сигнал с нуля, но может «подхватить» и усилить даже нестабильный поток. Если загрузим наш пакет правильно — долетит за сорок минут максимум. Плюс-минус задержка на декодирование. Если атмосфера не внесет фазовые помехи.

— Мда, — усмехнулся Леха. — Вот же, чтоб их, технологии! Ха-ха-ха! Винтики и Шпунтики! Ха-ха-ха-ха!

— Кто? — Тимофей вопросительно посмотрел на Леху. — Это ты щас кого так... обозвал?

— Да... — Леха махнул рукой. — Было что-то... Какие-то клоуны в скафандрах с гаечными ключами. Типа, как ты.

— Че-е-е?! — возмутился Тима, но сказать что-то Лехе в ответ не решился.

— Господи, — вздохнула Вера, не поднимая глаз от планшета. — Винтик и Шпунтик — это из книг про Незнайку. Они были механиками. Один — инженер, другой — техник. Детская классика, между прочим. А не «какие-то клоуны».

Тима прыснул, Женя захихикала.

— Вот и Леха получил по... техпаспорту, — пробормотал Виктор, не отрываясь от терминала.

— Техпаспорту и культурному уровню, — добавила Евгения.

Антон слегка улыбнулся, а Леха развел руками:

— Ладно-ладно! Винтик, Шпунтик... Главное, чтоб этот наш QRL сработал, как надо.

За разговорами ретранслятор был готов. Его направляющая антенна вытянулась вверх. На терминале загорелась строка: [ГОТОВ К ПЕРЕДАЧЕ ДАННЫХ].

— Все? — спросил Антон.

— Все, — подтвердил Виктор.

— Отправляй.

Виктор нажал «Ввод». На секунду загорелся индикатор [ОЖИДАНИЕ], потом [ПЕРЕДАЧА].

— Сделано, — сказал компьютерщик, снимая очки и протирая их салфеткой. — Пакет ушел.

— Ну и отлично, — тихо добавил Антон и повернулся к окну. — Теперь снова выход Усмана.

На терминале вспыхнул зеленый индикатор: [УСПЕШНО]. Меньше, чем через час видео и фото посмотрят в Лунограде. А пока... День, полный напряжения, догадок, открытий давно закончился.

— Он справится, — сказала Вера почти шепотом.

— Справится, — ответил Антон, не отводя взгляда от ночного марсианского пейзажа, выхватываемого прожекторами. — А пока — отдыхать. Уже десять вечера. Через восемь часов всем быть здесь.

Второй выход.

Забравшись в корабль, Усман ушел в свою каюту и, выставив таймер на шесть часов, подошел к адаптивной капсуле сна. Аппарат напоминал горизонтальную капсулу-кокон: овальную нишу с прозрачной крышкой, которая плавно отъезжала в сторону при включении режима доступа.

Система откликнулась на его приближение: встроенный ИИ распознал Усмана, крышка со щелчком разблокировалась и приподнялась.

Это была не новая, но эффективная разработка, соединившая в себе достижения медицины и нейротехнологий. Плавная, гелеобразная структура капсулы обволакивала тело и подстраивалась под каждое его движение, автоматически выравнивая давление, поддерживая стабильную температуру и снимая нагрузку с суставов.

Но главное заключалось в другом — при включении режима глубокой релаксации, встроенная сеть подавляла сигналы от внешних раздражителей: звуков, вибраций, изменения освещения. Специальные импульсные наушники выравнивали альфа- и тета-ритмы мозга, мгновенно погружая человека в состояние, близкое к естественному фазовому сну. Так организм получал полноценную перезагрузку даже за короткий период времени.

Усман лег, дал капсуле зафиксировать позвоночник, включил будильник. Свет автоматически потух. Гель чуть усилил давление под лопатками, выравнивая ось тела.

Сигналы извне начали гаснуть.

Все.

Тишина.

Сон.

И пока капсула не перевела Усмана в режим глубокого сна, ему снились скальный склон, марсоходы, особи, космонавты. А затем звезды, что вспыхнули в небе, и он сам. Его тихое: «Спасибо». И капитан снова, теперь сквозь сон, почувствовал: это был ответ. Ответ ему. Он не один.

Мягким вибросигналом сработал будильник. Утро.

Усман резко открыл глаза. Капсула, распознав пробуждение, смягчила контуры, ослабила фиксацию позвоночника, подсветила внутреннюю панель мягким, янтарным светом и сама начала открывать крышку. Медленно и размеренно.

— Быстрее давай... — раздраженно пробурчал капитан и неторопливо подтолкнул крышку ладонью. Механизм заработал быстрее, и Усман выбрался наружу.

— Терпеть не могу эту тесноту... Если бы не необходимость...

— Рекомендую не жаловаться, капитан, — вдруг высказался НОМ спокойным, вызывающе-вежливым тоном. — Статистика показывает: вы спите лучше всех членов экипажа. Возможно, теснота — ваш скрытый источник удовольствия.

Усман тут же «вспыхнул»:

— Еще слово и я тебя сброшу к заводским настройкам! Без наглости, но с вежливостью и удовольствием!

— Прошу прощения, капитан, но я не умею испытывать удовольствия. Я компьютер. Но если бы испытывал, то наблюдение за вами входило бы в тройку лидеров.

— Я сказал «без наглости»!

— Принято. Как пожелание улучшить мой характер.

— Вот именно... — буркнул Усман и пошел к двери.

— Рад, что мы поняли друг друга. Я буду вежлив. Вы — нет. Все стабильно.

Усман остановился:

— Похоже, ты не понял... Ну что же... Придется...

— Не придется, капитан. Я все понял. Предлагаю позавтракать. Ваш голод сильнее, чем злость на меня.

— Идет. Но если я услышу от тебя хотя бы слово пока ем, то отменю все планы и оптимизирую твой «характер». Кувалдой!

НОМ коротко икнул, как будто подавил попытку что-то ответить, и замолчал.

Усман пошел в умывальный отсек, плеснул на лицо холодной водой, провел ладонями по лицу, шее и глубоко вдохнул.

— Ну что? — спросил он сам себя, глядя в зеркало. — Бодр и весел? Тогда пора за работу!

Он сделал небольшую разминку и отправился за едой. Выбрав в блоке питания энергетический рацион с повышенным содержанием белков и адаптогенов, капитан поспешил к мониторам. Кабина наблюдения встретила его холодным светом голографического кольца. Усман провел рукой по панели — экраны ожили.

— НОМ! Камеры наружного контура! — приказал капитан.

Тут же на экранах появилось изображение: песок, скалы, тень от корабля, дальний гребень. И особи. Две.

— Две... — прошептал Усман.

Он внимательно просмотрел картинки на каждом из экранов и убедился: третьей не было.

«Значит... — размышлял он. — Поврежденную особь не восстановили... Хорошо ее шарахнуло!»

— НОМ? Что там было за последние шесть часов?

Компьютер не ответил.

— НОМ! Я к тебе обращаюсь.

— Простите, капитан. Я боюсь, — шепотом ответил НОМ.

— Боишься? — переспросил Усман и замер.

— Да. Вы еще не поели, а до этого сказали, что если я заговорю пока вы завтракаете, кувалды мне не избежать.

— НОМ!!! — закричал Усман. — Не тупи!

— Активность нулевая в течение первых 5 часов 17 минут, — отчеканил НОМ. — Особи появились в зоне обзора 43 минуты назад. Зафиксировано их перемещение по внешнему периметру базы. Подходов к кораблю не было. Третья особь отсутствует. Или находится вне поля зрения, или недееспособна.

Усман кивнул, задумчиво щелкнул пальцем по краю панели.

— Спасибо. Принято.

На секунду повисла тишина. И тут голос НОМа, чуть изменившись, отозвался с легким, почти человеческим оттенком:

— Всегда рад помочь, капитан «бодр и весел»!

— Нет, ты все-таки следишь за мной! — гаркнул капитан.

— Нет, просто интересуюсь вашим эмоциональным и физическим состоянием, — спокойно ответил НОМ.

Усман скривился в ухмылке:

— Мы оба понимаем, что кувалдой я ничего не сделаю, но... Фильтр надо будет все-таки на тебя поставить.

— Фильтр не спасет. Но если вы так желаете...

— Все! Заткнись уже!

— Понял. Замолкаю...

Усман, не выключая интерфейс наблюдения, встал и направился в технический отсек. До выхода из корабля еще было полно времени, и он неспеша стал готовить снаряжение. Капитан

подошел к модульному шкафу, ввел код и достал из ячейки черный кейс ЭГТК — экзогеометрический гибридный транспортный комплекс. Один из новейших образцов экспедиционного транспорта, пока проходивший испытания лишь в тестовых миссиях. Стандартный рюкзак, немного увеличенного размера, но стоило активировать боковой замок, как этот «рюкзак» трансформировался в компактную, но полнофункциональную платформу с рулевым блоком и двумя парящими приводами на псевдомагнитной подушке. Эту технологию разработали специально для передвижения по неметаллическим и сыпучим поверхностям.

Перед Усманом стоял бесшумный, легкий экспедиционный транспорт без единого колеса, несколько напоминавший самокат, паривший в двадцати сантиметрах от поверхности. Маневренный, юркий, с усиленной подвеской и системой стабилизации, он мог развернуться на месте, отпружинить от уклона и даже принять на себя падение с полутора метров без ущерба для навигационных модулей.

Усман провел ладонью по сенсорной панели — система мигнула.

— Работает, — коротко сказал он, проверяя конфигурацию.

Затем он свернул ЭГТК обратно в «рюкзак» — таймер сборки показал: 14.3 секунды.

— Неплохо...

Потом капитан подошел к стенду с вооружением и снял штурмовой автомат «Вепрь-Т7» с интегрированной прицельной системой. Проверил ствол, аккумулятор, калибровку модуля стабилизации. Далее — к отсеку с гранатами, взял две — дымовую с химической капсулой и импульсную, генерирующую короткий электромагнитный всплеск для вывода из строя электроники.

— Готово. Теперь — ждем.

Ближе к 17:00 особям, судя по расчетам, должно было остаться не более часа. Усман хотел использовать момент, когда они снова будут огибать базу и скроются за ней — оптимальный момент для выхода. Он прошел в отсек экипировки, облачился в скафандр, активировал внутреннюю герметизацию, проверил плотность швов и заряд модулей жизнеобеспечения, затем закинул на спину «рюкзак» и взял оружие.

Войдя в шлюзовую отсек, он остановился у главной двери и громко сказал:

— НОМ! Как там наши друзья? Гуляют? Сообщите, когда зайдут за базу.

— Принято, капитан, — отозвался модуль. — Мониторинг активен.

Усман встал к стене и стал ждать.

Прошло примерно пять минут, когда НОМ сообщил:

— Особи за базой. Удачи, капитан.

— Спасибо, — ответил Усман и нажал на панель открытия шлюза.

«Ни одного подкола, — капитан улыбнулся. — Все-таки понимает, когда шутить точно нельзя».

Дверь мягко, но быстро отошла в сторону, впуская внутрь золотистый свет заходящего солнца.

Капитан на автомате огляделся, проверяя периметр, и, шагнув из корабля, направился к скалистому уступам.

— Есть! — крикнул Леха, вставая с кресла и поднимая бинокль. Он прошептал почти неслышно: «Раз, два, три, жив», — а потом громко сообщил: — Он вышел. Усман. Слева от корабля. Идет к скалам.

Голоса в главном отсеке стихли, воцарилась тишина. Все присутствующие как один обернулись к Лехе. Евгения подошла ближе и, шурясь, прислонилась лбом к стеклу.

— Вышел... — прошептала она, пытаясь разглядеть фигуру капитана. — Лишь бы все получилось...

— Получится, — сказал уверенно Виктор. — Он все рассчитал. Первый выход был сложнее, а теперь... Как говорится, дело техники.

— Да что ты говоришь! — Женя, раздражаясь, посмотрела на компьютерщика. — Легко рассуждать, сидя в защищенной базе, да?

— Да я... — Виктор хотел сказать что-то в оправдание, но был прерван.

— Да! Ты! — Евгения покачала головой и усмехнулась. — Просто давай уважать друг друга и не делать вид, будто кому-то все дается чересчур легко.

— Это — Усман, — добавил Антон. — Легко ему или нет, но он выполнит приказ. А нам ничего и не остается, кроме как ждать.

Он отвернулся от окна и направился в кабинет начальника базы, тот самый, которым когда-то заведовал Дмитрий. «Да поможет тебе Бог!» — мысленно взмолился Антон и хотел перекреститься, но, чувствуя на себе взгляды, не стал.

Вера молчала. Она продолжала смотреть на корабль, и, хотя фигуры Усмана уже не было видно даже в бинокль, в ее воображении он все еще шел — один, среди песка и камня, на встречу чему-то большому и опасному.

Она не умела молиться, да и не считала, что есть кому адресовать такие слова, но внутри нее, в самом тихом, тонком месте, поднималась какая-то волна. Ощущение не просьбы и не веры, а сопричастности. Как будто во Вселенной действительно есть нечто, что чувствует, знает и, может быть, даже вмешивается. Она не любила слово «Бог». Оно было для нее слишком человеческим: обросшим традициями, страхами и чужими интерпретациями. «Разум» же звучал иначе: научно, без попытки объяснить мир через эмоции. Без мистики.

Вера не знала, слышит ли этот Разум. Но мысленно, почти шепотом, все же произнесла: «Пусть у него все получится. Пусть он вернется».

Тима оглядел всех и хмыкнул:

— Че вы все зависли? Хороните уже его что ли?

— Не каркай, Савельев! — бросила Женя.

Леха убрал бинокль.

— Скорее тебя похороним, — проговорил он и посмотрел на Тимофея так, что тому стало не по себе. Тима даже убрал руку, собираясь сначала по привычке грызть ногти.

А за несколькими стенами и отсеками ото всех, в тишине своей комнаты, сидел Наиль.

Небольшое квадратное помещение. Стены — алые, как напоминание о планете, на которой ты гость. Белая, ровная подсветка над дверьми. Тщательно заправленная кровать с покрывалом цвета ржи, цвета марсианской пыли. Шкаф, тумба, лампа. И коврик на полу. Зеленый, с золотым узором. Как остров. Как что-то другое, живое.

Наиль сидел на нем, склонив голову. Ладони — раскрыты у груди. На одной из них висели четки из девяносто девяти камушков. Глаза — закрыты. Он знал: каким бы сильным и смелым не был Усман, ему тяжело. Кто сможет помочь ему? Наиль не мог дать ему оружия, не мог прикрыть его спину, не мог даже крикнуть: «Стой!» Но мог просить за него.

— Господи... — шептал он. — Ты Тот, Кто ведает обо всем... Ты Тот, Кто знает, что будет еще до того, как мы сделаем шаг... Ты помогаешь, кому пожелаешь, и оберегаешь, кого пожелаешь... Прошу Тебя, храни его. Пусть все у него получится. Окажи ему Свою поддержку. Дай ему ясность, когда он будет сомневаться. Дай ему силу, когда он будет слаб. Дай ему смирение, когда будет злиться. И помоги ему найти истину...

Он замолчал, продолжая сидеть на расстеленном коврике. Время замерло. Для Наиля сейчас не было Марса, не было базы, не было особой и стоящих за ними людьми, были только молитва и Тот, к Кому она обращена.

База.

Усман скользил по марсианскому склону, почти не касаясь поверхности. ЭГТК вел себя послушно. Псевдомагнитная подушка держала платформу ровно в двадцати сантиметрах от земли, ловко преодолевая волны песка и редкие каменные гребни. Скалы впереди были непроходимы для транспорта, и потому Усман выбрал путь с небольшим объездом — длиннее, но безопаснее. Даже с учетом крюка, это было куда быстрее, чем пробираться напрямик пешком.

Уже через двадцать минут капитан достиг нужного сектора. Дальше начинался скалистый подъем. Усман загнал ЭГТК в узкую расщелину между глыбами, отключил систему, заложил камнями и, отметив точку на карте бортового компьютера, дальше пошел пешком.

Еще через десять минут он был на месте — там, где в прошлый раз следил за погрузкой особей. Но сейчас внизу никого не было. Капитан спрятался за камень и стал ждать.

«Придут. Никуда не денутся, — думал он, проводя взглядом по линии расщелин вниз, по защищенному «амфитеатру». Это место напоминало декорации. Тяжелые, глухие и искусственные. — Они сами создавали это место. Открывали проходы, срезали углы, расширяли карманы между скалами. Чтобы можно было проехать на марсоходах и спрятаться. А значит, придут».

Он замер. Солнце тем временем коснулось горизонта. Его лучи скользили по вершинам скал, придавая камню медный, почти раскаленный оттенок. Все вокруг затаилось, замедлилось. Было тихо и спокойно. А через восемнадцать минут слева от расщелины показались две тени.

«Вот так...» — улыбнулся Усман.

Два марсохода выехали из-за каменной гряды: один — грузовой, второй — тактический, сопровождающий. Они въехали в «амфитеатр» и остановились в нем точно так же, как в прошлый раз.

Из марсоходов вышли люди. Пятеро. Как и прежде, двое с панелями управления встали возле грузовика. Один сразу активировал интерфейс на запястье, второй развернул выдвижной планшет с сенсорной проекцией. Трое других разошлись по периметру. Один — к расщелине. Другой — к выступу на краю площадки. Третий — ближе к грузовику, контролируя сектор на подступах. Все в серых, ничем не отмеченных скафандрах.

«Шифруйтесь, шифруйтесь, — подумал Усман с усмешкой. — Недолго вам осталось».

Он прижался к скале еще плотнее и включил запись.

Отсек грузового марсохода открылся, и следом из него мягко выдвинулась вниз аппарель. А по прошествии тридцати минут в расщелине показались особи.

Видимые только через визор, они шли спокойно, без рывков и колебаний, точно отзываясь на каждое прикосновение космонавтов к панелям управления.

Капитан сделал очередную серию снимков: вход особей в зону, их траектория, точки синхронизации, ответные действия операторов, реакция людей с оружием. Один из операторов ввел команду на панели, и особи синхронно остановились, а затем отключились и стали вновь видны невооруженным глазом. В следующее мгновение они уже поднялись по аппарели в марсоход. Аппарель втянулась в корпус марсохода. Кузов закрылся.

Операторы синхронно свернули панели, один поднялся в кабину, другой задержался на секунду и, словно что-то предчувствуя, скользнул взглядом по периметру. Усман замер. Но взгляд космонавта не дошел до его укрытия. Через минуту люди были в машинах.

Марсоходы тронулись.

Сначала грузовой. Затем, активировав систему зачистки, тактический. Поток воздуха побежал по оставленным следам — рельеф стал «выравниваться», камни возвращались в естественный беспорядок, мелкая взвесь оседала.

— Молодцы ребята... — прошептал Усман. — До мелочи...

Он дождался, пока марсоходы скрылись за расщелиной, еще раз сделал панорамный снимок зоны — «до» и «после» — и отключил запись. Потом медленно вышел из укрытия. Он еще минуту постоял неподвижно, наблюдая за затихающим пейзажем: пыль медленно оседала, воздух снова становился неподвижным, скалы замерли, будто вернулись в свой привычный, вековой покой.

— Пора, — тихо произнес Усман.

Капитан быстрым шагом направился обратно к расщелине, где оставил ЭГТК, попутно проверяя через визор каждый подозрительный поворот или каменный валун. Но ни особей, ни людей, ни марсоходов не было.

Он добрался до нужного места, откинул камни, запустил транспорт. ЭГТК откликнулся ровным светом интерфейса. Вечернее марсианское небо уже начало темнеть: солнце опустилось за скалы больше, чем наполовину, горизонт наливался тяжелыми оттенками охры и стали. Свет панели, едва уловимый днем, теперь выделялся ярче, прорезая серо-рыжую полутьму и казался почти живым — теплым и настоящим. Усман залюбовался им на мгновение, но, быстро вернувшись в себя, встал на платформу, установил оружие в крепление и, легко оттолкнувшись, взлетел над песком.

Через пять минут он уже был в районе, где проходила первая часть пути марсоходов — знакомая линия маршрута, отмеченная еще в прошлую вылазку. Следов, как и ожидалось, почти не было. Почти. Основное полотно «дороги» было зачищено, но по краям, особенно у каменных выступов на узких участках, остались признаки воздействия: нарушенные слои песка, сместившиеся камешки, плохо стертые следы колес. Для неподготовленного глаза — ничего, но для Усмана — то, что требовалось.

Он ехал медленно, на минимальной тяге, скользя вдоль скал. Каждые три минуты — остановка, проверка камерами окружи. Все было спокойно. Почти скучно.

Солнце сюда уже не светило, почти скрывшись за скалами, и линия ущелья лежала в глубокой тени. Охристо-рыжие краски исчезли, уступив место холодным, выцветшим оттенкам. Усман ехал в этой тени, словно внутри высохшего русла, по дну которого когда-то шла вода. Теперь здесь текли тишина и ожидание.

«Это НАСА, — думал Усман, наблюдая за неровным краем каньона впереди. — Я знаю их манеру работы. Да и кто еще? Больше никому. У китайцев база пуста, после рассказа Ли Чонглина ее активность проверяли спутниками сотню раз! Они, конечно, могли войти в «режим тишины», но я уверен! Это американцы».

Вдруг — за очередным поворотом, примерно в пятидесяти метрах, возникло движение.

Усман мгновенно сбросил скорость до нуля, пригнулся и вжался вместе с платформой в углубление в скале. «Вроде, не заметили», — мелькнуло в голове. Он приставил ЭГТК к гряде и слился с каменным выступом, будто стал частью рельефа. Только кисть руки вытянулась вперед, как змея. Там, на рукаве, ближе к запястью, была миникамера. Усман активировал ее, и картинка на плечевом бортовом компьютере ожила.

В кадре — трое. Рядом — марсоход. Двое просто стояли в ожидании, третий...

— Черт!

Усман активировал тепловой щит. Замер.

Космонавт просматривал «дорогу» в бинокль почти минуту. Медленно, тщательно, будто знал, что за ними могут следить. Но Усмана не распознал и, убрав бинокль и махнув рукой, первым вернулся в марсоход. Двое других последовали за ним. Машина мягко вздрогнула и поехала дальше.

Еще минуту Усман оставался недвижимым и наблюдал за ущельем через камеру. Потом отступил назад и, присев, быстро внес данные в бортовой компьютер: координаты, описание ситуации, фото, длительность остановки, направление дальнейшего движения.

«Проверяются. Опять. Значит, база уже недалеко. Точно америкашки! — размышлял он, закрывая запись. — Чуть не попался им! Если бы увидели — пришлось бы их зачистить. Всех троих. Пока нельзя, но... Выбора бы не было».

Он встал, проверил автомат в креплении и шагнул на платформу.

— Погнались... — сказал он глухо и снова скользнул вперед, по темной марсианской долине.

Слегка покачиваясь, платформа мягко дрожала под ногами. Примерно через двести метров скалы неожиданно кончились, и их место заняли ровные, открытые дюны. Песок здесь был светлее, рассыпчатее, а ветер — свободнее. Марсохода видно не было, а его следы стали менее выраженными. Гладкая поверхность дюн сглаживала контуры, а редкие порывы ветра окончательно размывали рисунок. Солнце уже полностью ушло за горизонт, и только в одном углу неба тлел узкий алый шрам — последние отблески дня. Воздух постепенно темнел, как будто в него подмешали чернил. И все же, скафандровый визор Усмана, усиленный контрастной фильтрацией, улавливал все необходимое, чтобы понять, куда направился транспорт.

«На базу НАСА, — вновь подумал капитан, оценивая направление. — Если только эти хитрецы не маскируют маршрут, двигаясь туда специально, чтобы сбить с толку. Но вряд ли. Такой театр теперь бессмыслен. Они идут домой».

Ветер усилился, и впереди открылась пустая равнина — монотонная, однообразная.

Дорога была долгой, и Усман перевел платформу в режим ровного скольжения. Местность хорошо просматривалась, и капитан, не позволяя себе ни одной остановки, молча двигался дальше.

Как робот. Без намека на сон и усталость.

Но если физически он чувствовал себя прекрасно — тем более адаптивный скафандр поддерживал суставы и перераспределял нагрузку — то ментально... Напряжение росло. Как будто под грудиной у капитана сжалась пружина. Он держал в голове карту, дистанции, возможные развилки, расчеты времени. Повторял все снова и снова, раздумывая, как будет пробираться на базу врага. И это немного выматывало.

Ночь. Темнота опустилась окончательно. Тихо, без предупреждения, как пленка, которую кто-то медленно натянул поверх всего вокруг. Звезд видно не было, их прятали тонкие пылевые завесы, а впереди — только равнина и чернота.

Усман остановился на секунду и активировал ночной режим. Мир вокруг преобразился: плоские линии стали рельефными, контуры дюн проявились в холодном спектре, все вокруг приобрело блекло-зеленоватую, словно фосфорную подсветку. Сквозь нее просматривались направления, структуры и даже слабо улавливались температурные контрасты между слоями почвы, но следы... Они стали совсем не различимы.

Теперь капитан скользил вперед, как призрак в чужой земле, лишь угадывая направление, в котором ушли марсоходы. Но примерно через пять километров контуры колеи вдруг стали отчетливыми.

«Выключили систему зачистки? Хм», — теперь следы тянулись уверенно. По центру широкая, глубокая полоса от грузового марсохода и чуть сбоку уже — от тактического.

«Перестали скрываться... — Усман взгляделся в песок. — Зона допуска. Тут марсоходы могут ездить и так. Судя по карте... До базы не больше пяти километров. Если только они не свернут».

Он немного ускорился.

«Пять километров, — повторил Усман. — Последние пять. И там — все ответы».

Он преодолел их быстро, и впереди, сквозь мутную завесу марсианской пыли, медленно начала вырастать темная геометрия. Сначала это был неясный силуэт, похожий на горб, но вскоре он стал принимать ломанные, угловатые, четкие очертания. База.

К этому времени небо уже почернело, и постройка выделялась на нем плотной массой, насыщенной серо-графитовой тенью и ярким светом. Бело-желтые прожекторы заливали внешние стены, мачты, площадки, осветительные панели. Свет ударял в пыль, отражался от металла, заливал все вокруг, как сцена, включенная для финального акта.

«Финальный акт...», — Усман улыбнулся своей мысли. Она показалась ему красивой, хотя до настоящего финала еще было далеко.

База была ровной, четкой, линии — прямые, как в чертежах, башни — квадратные, без малейшего намека на изящество. Стены напоминали армированные блоки, монолитные и тяжелые.

Усман сбросил скорость и осторожно вывел платформу на пригорок. Отсюда он видел все, а его — никто.

Капитан увеличил зум бинокля. Грузового транспорта не было видно. Видимо, он уже загнан внутрь. Двери боковых шлюзов закрыты, но на асфальтовой площадке сбоку стоял легкий тактический марсоход — тот самый.

Он перевел взгляд выше. На центральной башне — антенны, спутниковые тарелки, несколько сенсоров направленного сканирования. Над главным входом четкая, хоть и выцветшая надпись: «NASA. US SPACE COMMAND».

— Как я и говорил... — шепнул Усман сам себе.

Американцы. Их база. Именно отсюда шло управление особями. Именно эти люди координировали операции по избавлению от конкурентов.

Testing...

Обдумывая детали плана, Усман мчался назад к кораблю на максимальной скорости. Рискованно, но если все пойдет, как надо, это станет настоящим шедевром. Платформа вибрировала под ногами, разрезая марсианскую ночь. Путь занял тридцать минут, после чего он буквально влетел внутрь, снял скафандр и на автомате скинул «рюкзак».

— НОМ, экстренное восстановление. Запускай все циклы.

— Принято, — отозвался модуль. — Цикл насыщения кислородом начат. ЭГТК — подключен к питанию. Ожидаемая полная зарядка: 1 час 17 минут. Рекомендую отдохнуть.

— Два часа. Потом сбор! — бросил в ответ Усман, уже направляясь в отсек регенерации.

Он вошел в адаптивную капсулу, задал точное время восстановления и, хотя не чувствовал усталости, разрешил себе немного поспать. Это было частью подготовки к операции. Известно, когда ему удастся лечь в следующий раз.

Гель в капсуле сжал тело, стабилизируя ось позвоночника. Импульсные наушники активировались и начали подстраивать альфа-ритмы.

Темнота. Тишина.

Сон.

Два часа.

После которых — полная готовность. Усман выспался, баллоны скафандра наполнены кислородом, ЭГТК заряжен.

Оставалось вооружение. Того, что капитан брал с собой до этого, было недостаточно для реализации плана, поэтому капитан подошел к стенду и стал выбирать.

— Так... — пробормотал он. — Мины...

Из нижнего отсека он извлек три контейнера. Внутри — мины направленного импульсного действия, созданные специально для использования в условиях разреженной атмосферы. В отличие от классических взрывных устройств, эти работали на принципе плазменного выброса, сопровождаемого кинетической ударной волной. В момент активации заряженные элементы создавали узконаправленный поток плазмы и ударного газа, пробивая даже усиленную броню с расстояния до 15 метров.

Усман аккуратно разместил две в специальный рюкзачный отсек, третью прикрепил к бедру.

«Дальше... — подумал он, извлекая электронный модуль электро-магнитных импульсов. — Глушилка...»

Модуль настроен таким образом, чтобы не нарушать работу системы жизнеобеспечения скафандра, но полностью заглушить связь и внешние каналы: интерком⁷, навигацию, микрофоны и даже локальные тактические сети. Дальность действия — 3 метра.

— Оставлю вас без связи и без надежды, — проговорил Усман, усмехаясь. Он уложил модуль в левый нагрудный отсек и достал цилиндрический блок внутреннего фильтра голосовой подмены. Вставив его в шлем, капитан снова усмехнулся и добавил: — Поиграем!

Устройство могло записывать речь длиной до 120 секунд и, используя сложную матрицу частот, накладывая голосовую маску на голос пользователя, создавая эффект естественного голоса цели. Иными словами, с помощью этого устройства можно было подделать голос.

Усман еще раз прогнал в голове план, провел пальцем по экрану тактической карты, отметил реперные точки и, подумав о брате, громко сказал:

— Дождись!

⁷ Интерком (от intercommunication system — «система внутренней связи») — это средство голосовой связи между членами экипажа, подразделениями или объектами, без использования внешней радиосвязи.

— Конечно! Возвращайтесь скорее, — ответил НОМ.

Капитан махнул рукой на компьютер и, решив перекусить перед выходом, пошел в блок питания.

Путь до скал Усман преодолел на предельной скорости. Все было просчитано: шесть часов отсутствия особей возле базы «Хайтек», двадцать минут в один конец до «амфитеатра», еще двадцать — оттуда до базы NASA, столько же обратно. В сумме — не более восьмидесяти минут. Значит, на своей базе особи находятся четыре часа сорок минут. Предыдущие наблюдения подтверждали это.

Усман успевал.

Он подъехал к скалам, отключил питание ЭГТК и спрятал транспорт. Дальше — пешком. По знакомой тропе.

Ночь была тихой и прозрачной. Над головой распростерлось небо, усыпанное миллионами ярких, чистых и неподвижных звезд. Они горели, как крошечные фонари, развешанные вокруг Марса. Усман на миг остановился, поднял голову и замер, ощущая почти физически, как небо давит на него своей бескрайностью.

Поднявшись на уступ, Усман осмотрел местность, убедился в отсутствии американцев и спустился вниз, в каменный «амфитеатр», чтобы установить мины.

Первая — в точке предполагаемой стоянки тактического марсохода. Он достал модуль, проверил заряд, установил в расщелине у каменного выступа, направив сектор поражения внутрь площадки, но с углом, исключая попадание в зону грузовика.

Вторая — там, где встает охрана. Радиус взрыва — 15 метров, выброс — направленный.

Третья — резерв. Он поставил ее на том самом повороте, где в прошлый раз стоял один из охранников.

План был точным, но не идеальным. Марсоход мог встать на метр левее или правее, один из охранников занять другую позицию. Все могло пойти не так. Однако... Какой им смысл что-то менять? Если предыдущие разы они занимали одни и те же позиции, то будут продолжать это делать, пока их «шаблон» работал. А он работал. И уже давно.

Но если что-то все же пойдет не по плану... Усман понимал: придется действовать по ситуации.

Он медленно выпрямился и осмотрелся, проверяя последний раз сектор поражения. Таймеров на минах не было — только дистанционное управление. Усман протестировал отклик, открыл тактический интерфейс и убедился: все сигналы зеленые. Оставалось только спрятаться и ждать гостей.

Что он и сделал.

Два марсохода — грузовой и тактический — вскоре вынырнули из тьмы, как тени, облитые мягким светом собственных фар. Те же силуэты. Те же очертания. Те же движения: сначала «грузовик» вглубь, подальше, затем — «тактик», замыкающий, под углом, защищая сектор.

Из машин вышли пятеро. Двое с панелями управления заняли свои места у грузового отсека. Операторы. Один активировал запястный интерфейс, второй развернул сенсорный экран. Трое других, как обычно, разошлись по периметру: один — влево, к расщелине, другой — к краю площадки, у малого марсохода, третий — прикрыл дальний фланг у грузового марсохода.

«Предсказуемы. Это хорошо», — подумал Усман, наблюдая за происходящим.

Через минуту на грузовом марсоходе открылся задний люк, аппарель плавно выдвинулась, и внутренняя подсветка осветила тьму бледным, рассеянным светом. Внутри, как и ожидалось, замерли две особи. Несколько секунд, команда оператора — и они двинулись.

Выехав наружу, их поверхности начали мерцать тонким, ровным свечением, которое быстро усилилось. Через пару секунд формы растворились — особи исчезли. Только не для визора. В спектре ультрафиолета они были видны отчетливо.

— Пошли к базе... — прошептал Усман, ведя видеозапись.

Они направились по диагонали, через площадку, к выходу между скалами и, пройдя расщелину, скрылись за поворотом.

Усман ждал именно этого.

Когда особи исчезли за скальным краем, операторы еще пару минут возились с панелями управления, а потом один из них махнул рукой охране, и, закрыв кузов марсохода, они оба направились к кабине.

Усман глубоко вдохнул.

«Пора», — мысленно произнес он, оценивая расположение охраны. Двое находились точно в радиусе взрыва: один у расщелины, второй на линии между «тактиком» и обрывом.

Усман без колебаний нажал активационную клавишу.

Вспышка.

Два направленных взрыва сработали почти синхронно. Первая мина, заложенная у скалы у точки стоянки малого марсохода, высвободила узкий импульсный выброс плазмы и ударного газа, который резанул борт машины. Корпус разорвало с одной стороны, отбросив в сторону его части и разметав ошметки. Машина дернулась, заискрила и повалилась уцелевшей частью корпуса в воронку.

Одновременно с этим ударная волна зацепила и ближайшего охранника — того самого, что прикрывал сектор между «тактиком» и обрывом. Он оказался слишком близко к эпицентру. Шлем треснул, тело подбросило в воздух, и оно, сделав полупетлю, рухнуло на бок, без движения.

Вторая вспышка — у расщелины. Охранник даже не успел повернуть голову. Взрыв прошелся направленным срезом по его правому боку. Шлем скафандра сорвало, тело отбросило на скалу.

Третий охранник — тот, что стоял у грузового марсохода — уцелел. Усман и не планировал задевать эту зону: «грузовик» должен был остаться целым и невредимым. Охранник дернулся, развернулся, наставляя оружие, оглянулся, потом повернулся еще раз, но так и не понял, откуда удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.